Мертвый город

Автор:
Камилла Стен

Мертвый город

Камилла Стен

Это триллер «в режиме реального времени», в духе фильмов «Ведьма из Блэр» и «Паранормальное явление», только интрига куда интереснее и доведена до логического конца. Постоянное ощущение чьего-то зловещего присутствия. Мурашки, бегущие по коже. Ежесекундное напряжение…

Алис, начинающий режиссер, решила снять сенсационный документальный фильм. Его сюжет – таинственная история небольшого шахтерского городка Сильверщерн. Более 60 лет назад все его население загадочно и бесследно исчезло. Нашли лишь изуродованный труп женщины, привязанной к столбу на главной площади, и новорожденного младенца в здании школы…

Собрав небольшую съемочную группу, Алис направляется в Сильверщерн, предвкушая захватывающие съемки. А город смотрит на непрошеных гостей черными глазницами разрушенных домов. А ветер разносит по улицам странные звуки, похожие на заунывные песнопения…

Камилла Стен

Мертвый город

Camilla Sten

Staden

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© 2019 Camilla Sten. First published by Norstedts, Sweden. Published by arrangement with Nordin Agency AB, Sweden

© Cover: Miroslav Sokcic

© Coverphoto: Erik S?derlund, Depositphotos

© Authorphoto: Kajsa G?ransson

© Петров И. Перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

19 августа 1959 года

Вторая половина августа выдалась ужасно жаркой, до такой степени, что легкий ветерок, попадавший в кабину автомобиля через открытые боковые окна, не приносил ни малейшего облегчения находившимся внутри. Альбин снял шапку и высунул руку с ней наружу, стараясь ни в коем случае не коснуться голой кожей раскаленного корпуса.

– Долго нам еще ехать? – в который раз спросил он Густава.

Тот лишь неразборчиво буркнул в ответ, и Альбин решил, что напарник и сам не знает, хотя за его бормотанием вполне могло скрываться предложение самому посмотреть по карте, коли так приспичило. Это Альбин уже сделал. Городок, куда они держали путь и где ему никогда не приходилось бывать прежде, настолько маленький, что не имеет ни собственного полицейского участка, ни больницы. Скорее его следовало называть деревенькой.

Сильверщерн. Кто-нибудь слыхал что-то о нем?

Альбин уже собирался спросить напарника, не заносила ли его судьба туда ранее, но передумал прежде, чем успел открыть рот. Густав не отличался разговорчивостью даже в лучших случаях, это Альбин давно понял. Они работали вместе почти два года, и он ни разу не слышал от Густава более нескольких слов подряд.

Напарник немного сбросил скорость и, заглянув в лежавшую между ними карту, резко повернул налево на проселок, едва видный среди деревьев. Альбин резко съехал вперед по сиденью, чуть не выронив наружу свою шапку.

– По-твоему, нам туда? – спросил он чисто машинально, не надеясь услышать хоть что-то в ответ. Поэтому его сильно удивило, когда Густав открыл рот и сказал:

– Одному богу известно.

Обрадованный Альбин позволил себе короткий комментарий.

– Не знаю, о чем ты там думаешь, – заявил он, – но, мне кажется, мы совершили большую глупость. Зря вообще затеяли эту поездку.

Дорога была узкой и неровной, Альбину приходилось постоянно держаться за ручку двери, чтобы не подскакивать на сиденье. По обеим ее сторонам стеной стояли высокие деревья. Солнце на лазурном небе было настолько ярким, что при любом взгляде вверх у Альбина начинало резать глаза.

А потом внезапно лес стал редеть.

Городок выглядел в точности как заводской пригород, где вырос Альбин. Наверняка здесь имелась шахта или, скажем, заводик, где работало все мужское население. Крошечный, с выстроившимися рядами аккуратными домишками, пронизанный насквозь речкой, с кирпичной церковью, возвышавшейся над всеми другими постройками, он производил довольно приятное впечатление.

Густав резко затормозил, и машина остановилась прямо посередине улицы.

Альбин посмотрел на напарника. Тот сидел, задумчиво наморщив лоб. На небрежно выбритых щеках местами виднелись крошечные островки щетины.

– Ты слышишь? – спросил он Альбина.

Что-то в его голосе заставило того напрячь слух.

– Слышу что? – поинтересовался он, поскольку единственные звуки, долетавшие до его ушей, исходили от их мотора.

Они стояли прямо на перекрестке. Ничего особенного вокруг не наблюдалось. Справа от них находился желтый дом с подувядшими цветами на лестнице, а слева, совсем рядом, – почти такой же, но красный и с белыми углами.

– Ничего, – ответил Густав, и по его тону Альбин понял, что речь шла не о каких-то конкретных звуках, а об их полном отсутствии.

Вокруг царила абсолютная тишина.

Часы показывали пять пополудни, была среда и конец лета. Но, как ни странно, никаких людей вокруг. Почему дети не играют в садах? Почему на крылечках не сидят молодые женщины, вытирая пот со лба и пытаясь защититься от зноя, обмахиваясь рукой, как веером?

Альбин окинул взглядом дома, стоявшие по обеим сторонам от машины. Все они радовали глаз своим видом. И у всех были закрыты входные двери.

Куда бы он ни смотрел, ему не удалось обнаружить ни одной живой души.

– Где все? – спросил он Густава.

Не может же быть город полностью пустым. Но где тогда люди?

Густав покачал головой и снова нажал на газ.

– Смотри в оба, – сказал он Альбину.

Тот почувствовал, что у него пересохло во рту. Сглотнул комок в горле.

Они медленно поехали вперед; тишина действовала так же удручающе, как и жара. Фуражка давила Альбину на голову, по шее сбегали ручейки пота. Когда перед ними появилась городская площадь, у него словно гора с плеч свалилась. Он показал на фигуру посередине ее.

– Смотри, Густав! Там кто-то есть.

Пожалуй, у напарника зрение было поострее, чем у него. Или сказались многие годы работы в полиции, развившие инстинкты Густава до недосягаемого для Альбина уровня… Видимо, поэтому он остановил машину еще до того, как ее колеса коснулись булыжного покрытия площади, открыл дверь и шагнул наружу.

У Альбина же вся картинка складывалась постепенно. Сначала он подумал:

«Там, вдалеке, кто-то есть».

Потом:

«Нет, невдалеке. Кто-то стоит и обнимает уличный фонарь. Как странно…»

Целиком она сформировалась, когда он, тоже выбравшись из машины, почувствовал, как на него волной нахлынуло зловоние – тошнотворный и

сладковатый запах гнилой плоти, в течение многих часов разлагавшейся в нестерпимой жаре.

Этот жуткий дух исходил от мертвого тела, которое Альбин сначала принял за живого человека. Оно было привязано к столбу веревкой, глубоко впившейся в мягкие ткани. Длинные, спутанные волосы свисали на лицо, закрывая его и защищая от жирных мух, ползавших по распухшим рукам и ногам. Стопы имели черный цвет – то ли от слишком далеко зашедшего процесса разложения, то ли от крови, образовавшей вокруг столба большую лужу.

Но этого Альбин уже не смог рассмотреть, поскольку сделал лишь несколько шагов, а затем, перегнувшись пополам, украсил камни мостовой остатками своего обеда.

Выпрямившись, он увидел, что Густав почти вплотную подошел к покойнику, остановившись всего в паре метров от тела, изучил его взглядом, а потом повернулся и посмотрел на Альбина, уже успевшего вытереть рот. Судя по натянутой верхней губе и приоткрытому рту, напарник испытывал сильное отвращение к увиденному; к этому, похоже, примешивался страх.

– Что, черт возьми, здесь произошло? – спросил он, явно потрясенный.

Альбин не смог ничего ответить ему. И в пустом городе снова воцарилась тишина.

Однако затем ее внезапно нарушил своеобразный звук. Слабый, он долетел откуда-то издалека. У Альбина было четверо младших братьев и сестер. Он вырос в квартире, где они впятером делили одну комнату, и узнал бы его в любой ситуации.

– Что, черт… – пробормотал Густав, бросив взгляд в сторону школьного здания, возвышавшегося на другой стороне площади.

– Я думаю, это ребенок, – сказал Альбин. – Младенец.

Потом зловоние сделало свое дело. Его снова вырвало.

Описание проекта

«Город» – это документальный сериал о Сильверщерне, единственном известном шведском городе-призраке. Нашей целью является создать фильм из шести частей, который мы также собираемся дополнить блогом о том, как проходила работа над ним и что нам удалось обнаружить в ходе нее.

Сильверщерн – это шахтерский поселок в центре Норрланда, просуществовавший до 1959 года, когда все его население, состоявшее из почти пятисот человек, исчезло при неясных обстоятельствах.

Нажмите здесь, чтобы прочитать больше об истории Сильверщерна.

Инициатором и продюсером проекта является Алис Линдстедт, чья бабушка выросла там.

«Когда я была маленькой, бабушка часто рассказывала мне о Сильверщерне и его исчезновении. Сама она больше не жила в городке, когда все случилось, но ее родители и младшая сестра оказались среди пропавших. История Сильверщерна всегда интересовала меня. Слишком странной она выглядит. Как могло бесследно исчезнуть население целого города? Что, собственно, произошло там?»

Именно на этот вопрос мы и попытаемся найти ответ.

Сначала планируется провести шесть дней в начале апреля в Сильверщерне, исследовать город и немного поснимать на пробу. Будучи спонсором данного проекта, ты сможешь получить доступ ко всем собранным материалам, включая фотографии и видеозаписи! Мы попробуем проверить несколько теорий, существующих относительно этого трагического события: всё, начиная с утечки газа, вызвавшей массовый психоз и панику, и заканчивая древним саамским проклятием.

«Нажмите здесь, чтобы прочитать больше о теориях, касающихся Сильверщерна».

Если все пройдет согласно плану, наша команда вернется в Сильверщерн в августе, и сериал будет сниматься примерно в то же самое время года, когда произошло исчезновение людей. К отснятому на месте событий материалу мы добавим интервью со специалистами и только потом окончательно смонтируем фильм и займемся его реализацией.

По нашему мнению, с такой работой должна справиться небольшая группа профессионалов из пяти-шести человек. Все оборудование будет браться напрокат.

Какими привилегиями ты сможешь пользоваться, став нашим спонсором?

– Получишь доступ ко всем материалам, собранным в Сильверщерне в апреле.

– Получишь доступ к блогу нашей продюсерской команды.

– Сможешь регулярно узнавать по электронной почте о том, как продвигается наша работа.

– У тебя появится возможность увидеть первую расширенную версию нашего сериала еще до того, как после монтажа мы обнародуем его.

– Ты получишь возможность посетить Сильверщерн вместе с нашей командой в связи с представлением фильма и блога общественности.

Предварительный бюджет:

150 000 крон.

Собрано на настоящий момент:

33 450 крон.

НАЖМИ ЗДЕСЬ, ЧТОБЫ ВНЕСТИ СВОЮ ЛЕПТУ И СТАТЬ ЧАСТЬЮ НАШЕГО ПРОЕКТА

Поддержи нас и следи за нами в социальных сетях!

Instagram: @dokumentarstaden

Facebook: Документальный фильм «Город» (http://www.facebook.com/dokumentarstaden)

Twitter: @dokumentarstaden

#dokumentarstaden #silvertjarn

Вторник

Сейчас

Резкий громкий звук действует на меня подобно ведру ледяной воды, вылитому на голову, и от сна мгновенно не остается и следа.

Я выпрямляюсь, хлопаю глазами и вижу, как Туне тянется к радио и выключает его. Разбудивший меня треск сразу исчезает, а на смену ему приходит глухой гул мотора.

– Что это было? – спрашиваю я и, снова хлопая глазами, провожу рукой по волосам.

– Приемник барахлит уже несколько километров, – объясняет Туне. – Сначала он переключился со старого рока на танцевальную музыку, а потом заткнулся совсем. Наверное, дело в каких-то помехах.

Я достаю мобильник из кармана и проверяю время, одновременно замечая, что уже позднее, чем я думала, а также что отвалилась сеть.

– Сигнала нет, – говорю я Туне и возвращаю телефон в карман. – Наверное, попали в мертвую зону.

При этом чувствую, как меня охватывает легкое волнение.

Туне кивает, не отрывая взгляд от дороги. Та пустая и прямая, как стрела, без изгибов и поворотов. Со всех сторон нас окружает высокий, густой сосновый лес, а наискось слева висит яркое, уже начавшее спускаться к горизонту солнце.

– Скоро перекресток, – говорит Туне. – Мы уже совсем близко.

– Может, теперь мне сесть за руль? – спрашиваю ее. – Я не собиралась спать. Сама не знаю, как это получилось.

Туне улыбается еле заметно, не разжимая губ.

– Ты ведь бодрствовала до четырех утра, проверяя, не забыли ли мы чего, так что здесь нечему удивляться, – говорит она, не отвечая на вопрос относительно смены водителя.

Я не могу понять, пытается она упрекнуть меня в чем-то или нет.

– Да, – соглашаюсь. – Пожалуй.

И все равно удивляюсь себе. Мне казалось, что постоянное возбуждение, не позволявшее заснуть все последние ночи, и сейчас помешает мне отдохнуть в машине.

Бросаю взгляд в зеркало заднего вида, вижу еще один белый автофургон с Робертом и Эмили, следующий за нами. Синий «Вольво» Макса замыкает

колонну.

Багряный закат превратил ветровые стекла машин в зеркала. Мне не видно лиц сидящих за ними.

У меня слегка ноет живот, и я не могу понять, возбуждение или беспокойство тому виной.

Закат также выкрасил в красный цвет мой вязаный белый свитер, и про Туне тоже не забыл – подрумянил ей лицо. Она из тех, кто выглядит красивее в профиль, чем анфас, с ее на зависть резкой линией подбородка и прямым патрицианским носом. Я никогда не видела на ее лице и намека на косметику, из-за чего чувствую себя по-дурацки рядом с ней, излишне тщеславной, что ли. Сама же я сходила к парикмахеру, где покрасила и завила свои белокурые волосы, чтобы те приобрели блеск и пепельный оттенок. Пусть все это обошлось в девятьсот крон, далеко не лишних для меня, и пусть моя физиономия вряд ли окажется хоть на одной фотографии, которые мы собираемся отснять в течение следующих пяти дней, – я сделала это исключительно ради себя самой. Лишь бы успокоить собственные нервы. А снимать нам, конечно, придется немало. Для «Инстаграма», нашей страницы на «Фейсбуке», и «Твиттера», и блога. Опять же, мы намереваемся раздавать фотографии нашим немногочисленным, но верным поклонникам и спонсорам с целью поддерживать интерес к нам на должном уровне.

Во рту у меня остался неприятный привкус после короткого сна, словно я съела что-то не первой свежести. На глаза мне попадается пластиковая кружка Туне с бензозаправки, стоящая в специальном держателе.

– Что там у тебя? – спрашиваю.

– Кола. Можешь взять, если хочешь, – отвечает она и добавляет, прежде чем я успеваю спросить: – Без сахара.

Беру теплую кружку и пью выдохшийся напиток большими глотками; затем останавливаюсь, чтобы перевести дух. Кола особо не освежает, но моя жажда оказалась сильнее, чем я думала.

– Там, – говорит Туне и внезапно сбрасывает скорость.

Ответвления на Сильверщерн в навигаторе нет – это мы обнаружили, пытаясь проложить маршрут. Поэтому нам пришлось использовать карты 40-х и 50-х годов и сопоставлять их с данными архива Шведского управления транспорта. С их помощью мы выяснили, где пролегало железное полотно, когда поезд таскался туда два раза в неделю. Макс – дока в таких делах; он гарантировал, что грунтовка должна проходить здесь. Но я все равно сильно сомневалась, пока Туне не начала тормозить и не приблизилась к узкому, почти целиком заросшему съезду, когда-то служившему единственной дорогой к интересующему нас месту. Наш фургон останавливается у него. Я с удивлением смотрю на Туне.

– В чем дело? – спрашиваю.

Она выглядит бледнее, чем обычно; рот тонкой полоской выделяется на лице. Веснушки на таком фоне напоминают яркие звездочки. Руки судорожно сжимают руль.

– Туне? – спрашиваю я немного тише.

Сначала та ничего не отвечает. Просто сидит молча и таращится на брешь среди деревьев, еле заметную в темноте.

– Я и представить не могла, что когда-нибудь увижу это, – говорит она наконец еле слышно.

Я кладу ладонь ей на руку. Под тонкой тканью лонгслива мышцы натянуты, как струны.

– Хочешь, я поведу? – предлагаю.

Мой взгляд падает на зеркало заднего вида. Другие тоже остановились. Второй фургон стоит сразу за нами, а Макс в своем синем «Вольво» (во всяком случае, так я полагаю) – позади него.

Туне отпускает руль и наклоняется вперед.

– Пожалуй, так лучше, – говорит она, не глядя на меня. Затем, сняв ремень безопасности, открывает водительскую дверь и выпрыгивает на дорогу.

Я следую ее примеру – отстегиваюсь, вылезаю из машины и обхожу ее. После душной атмосферы кабины воздух снаружи кажется чистым, свежим и очень холодным. Пусть царит полный штиль – этот воздух мгновенно проникает сквозь мой свитер.

К тому моменту, как я запрыгиваю на водительское сиденье, Туне уже успевает пристегнуться. Я жду – может, она скажет что-то; но поскольку этого не происходит, осторожно выжимаю газ, и мы начинаем скатываться на сильно заросшую дорогу.

В машине царит тишина. Когда деревья обступают нас и, словно пытаясь не пустить вперед, сцепляются над узким проселком своими ветвями, Туне внезапно обращается ко мне в полутьме, заставляя вздрогнуть.

– Думаю, лучше тебе въехать в город, – говорит она. – Это же твой проект. Ты очень хотела туда. Верно?

Кошусь на нее уголком глаза, одновременно стараясь не пропускать многочисленные корни и камни, попадающиеся на нашем пути.

– Да, я тоже так считаю, – говорю.

Мы минуем тропинку, которая, извиваясь змеей, уходит в лес. Сначала у меня возникает сомнение, не на нее ли нам надо, но потом я понимаю, что она, вероятно, ведет к шахте, и продолжаю ехать вперед, ползу по-черепашьи по упавшим веткам. Фургон жалуется и стонет, но не сдается.

Хорошо еще, что мы потребовали гарантий надежности, когда арендовали машины. Они определенно не предназначены для таких условий. Но нам требовался транспорт, способный доставить вместе с нами все необходимое оборудование, а обладающие повышенной проходимостью машины слишком дороги и пробили бы в нашем бюджете глубокую брешь.

В любом случае техника нас пока не подводит, и мы, пусть и медленно, но двигаемся вперед. Правда, время идет, и я уже начинаю волноваться, что мы повернули не там и что это обычная туристическая тропа, которая заведет нас неизвестно куда, где мы в конечном итоге застрянем с нашими машинами,

оборудованием, идиотизмом и амбициями.

Хотя, похоже, зря я волновалась – деревья внезапно, как по мановению волшебной палочки, расступаются перед нами. «Там», – шепчу я, больше самой себе, чем Туне. И даже осмеливаюсь увеличить скорость – немного, совсем чуть-чуть. Чувствую, как кровь начинает пульсировать в висках, когда перед нами начинает разрастаться багряное апрельское небо.

И вот мы оказываемся на лесной поляне. А ниже в долине, скорее напоминающей небольшую низину, как на ладони, видим цель нашего путешествия.

Над всеми прочими постройками восточной части городка, подобно великану, возвышается кирпичная церковь. Ее венчает изящный крест, блестящий в лучах заходящего солнца, а вокруг рядами стоят полуразрушенные и сгнившие дома. Между ними медно-красной лентой извивается река, впадая в виднеющееся вдалеке маленькое лесное озеро, давшее название этому месту[1 - Сильверщерн – Серебряное озеро (шв.).]. Когда-то, пожалуй, оно выглядело серебристым пятном на фоне окружающей растительности; сейчас же более напоминает черную грязную лужу, несмотря на свой блеск.

Не раздумывая, я отстегиваю ремень безопасности, открываю дверь, прыгаю вниз на мягкий весенний перегной и окидываю взглядом город. Вокруг царит тишина, нарушаемая лишь рокотом моторов и тихим шумом ветра в кронах деревьев.

Слышу, как Туне выбирается из машины со своей стороны. Она ничего не говорит, даже не закрывает за собой дверь.

Я же раскачиваюсь на месте и, как заклинание, повторяю лишь одно слово:

– Сильверщерн.

Сейчас

Я никогда не видела Сильверщерн собственными глазами. Мое представление о нем строилось на рассказах бабушки. Я много сидела за компьютером и рьяно «гуглила» его, пытаясь найти хоть какие-то описания в Интернете, но практически впустую.

Услышав, как заработала камера, поворачиваюсь. Туне подняла ее к глазам, закрыв себе половину лица.

Собственно, было бы хорошо, если б она снимала наш въезд в город. Это может стать сильным началом, способным привлечь внимание, что просто необходимо, когда надо найти деньги. Сколько бы мы ни выкладывали фотографий в «Инстаграм» и как бы ни пытались заманить в свои сети народ через сайт «Кликстартер», в любом случае нам все равно нужен грант, чтобы сделать фильм в том виде, как я его себе представляю. Без помощи государства у нас нет ни единого шанса.

Впрочем, я не сомневаюсь, что в конце концов мы получим нужные средства.

Ведь кто сможет отказать в таком деле?

Заброшенные постройки, утопая в свете опускающегося за горизонт солнца, приобретают оранжевые и красные оттенки. Кое-где они на удивление хорошо сохранились, вопреки всему. Их ведь строили иначе, чем это делается сегодня. Но даже отсюда, сверху, видно, какой урон им нанесло время. Некоторые из домов полностью развалились, и природа явно начала всерьез отвоевывать их территорию себе. Уже трудно различить границу между лесом и поселением. Улицы сильно заросли, а уходящие от станции в лес ржавые рельсы напоминают кровеносные сосуды, местами выступающие из-под кожи.

Представшее перед нами зрелище красиво – и одновременно производит тяжелое впечатление. Сродни увядшей розе, которая вот-вот потеряет свои лепестки.

Щелчки камеры прекратились. Я снова смотрю на Туне и вижу, что она перестала снимать. Ее лицо залито золотистым цветом. Небо над нами начало темнеть; я вижу, как его заливает лиловая краска. Ночь принимает эстафету у дня. Если мы хотим успеть разбить лагерь, пока она полностью не вступила в свои права, нам надо спешить.

– Как твои успехи? – спрашиваю Туне.

– Для такого вида хорошо подошла бы камера «Айфона», – говорит она, обходит машину и, становясь рядом со мной, выводит снимки на маленький прямоугольный экран.

Мы договорились, что Туне будет отвечать за фотографирование. В отличие от меня, Эмми и Роберта, ей никогда не приходилось непосредственно участвовать в съемках фильма – она копирайтер по профессии; но в качестве хобби занималась фотографией в течение многих лет, и ее снимки лучше того, что я смогла бы сделать той же самой камерой.

К тому же это было самым простым способом убедить ее поехать с нами. Туне долго сопротивлялась, утверждая, что нет никакой необходимости в ее участии в нашей поездке. В ней она считала себя бесполезной. Все мои аргументы о ее важности для проекта в качестве сопродюсера не действовали. Только когда я завела речь о том, что нам понадобится фотограф, она сдалась.

На самом деле Туне играет для нас большую роль. И вовсе не в данном амплуа. Она – часть всей этой истории, совершенно независимо от ее желания на сей счет. Мне остается лишь надеяться, что со временем она поймет это.

Я изучаю город в миниатюре на экране камеры, а потом – его силуэты, находящиеся передо мной. Благодаря своим чистым цветам и четким линиям он напоминает картину.

– Это… нереально, – говорю я. Мой голос, кажется, разносится над всем Сильверщерном, стелется над атакующей его растительностью, проникает в каждый уголок и щель.

Потом снова наступает тишина. Даже радиосигналы сюда не проникают. Это вроде имеет отношение к залежам железной руды, находящимся здесь, и магнитным полям, но никто не знает наверняка. В любом случае данный феномен никак не вредит таинственности, окружающей это место.

– Как ощущения? – спрашиваю я Туне, с трудом отрывая взгляд от построек, расположенных ниже нас.

Она втягивает носом холодный свежий воздух и поджимает губы, прежде чем поднимает на меня глаза.

– Не знаю, – отвечает, потом криво улыбается. – Я ведь уже говорила. Я не верила, что смогу когда-нибудь приехать сюда, что все зайдет так далеко. Я еще толком не осознала, что мы здесь.

– Но мы здесь, – говорю я, как для нее, так и для себя самой.

Теперь Туне наконец улыбается по-настоящему, обнажая белые зубы, – и тем самым разрушает напряжение, возникшее между нами с тех пор, как я проснулась в машине.

– Да, – говорит она. – Само собой, мы здесь. Поскольку ты – чертов бульдозер, Алис.

Я начинаю смеяться – неистово, эйфорически. Пусть даже меня трясет от холода (следовало надеть куртку, прежде чем я вылезла из машины), мы же все равно сейчас здесь. А значит, действовали правильно, не напрасно сидели чуть ли не ночи напролет, строя наши планы; и не зря я отказывалась от массы важных дел и занималась всякой чертовщиной ради нашей цели. Ведь мы в Сильверщерне. И сделаем наш фильм. «Город» станет реальностью. Проект, начинавшийся с моей детской фантазии, уже начал осуществляться.

По идее, я должна была услышать, как открываются двери другой машины, но эти звуки растворились в моем смехе. И то, что мы с Туне уже не одни на склоне, стало для меня сюрпризом.

– Черт, какое место, – слышу я голос Эмми и резко прекращаю смеяться.

Вздрагиваю и смотрю на остальных. Эмми стоит с водительской стороны нашего автофургона, прислонившись к нему, так что ее белая футболка как бы растворяется в его краске. Ее прокрашенные хной волосы уложены в конский хвост; джинсы, пожалуй, великоваты. Они, возможно, принадлежат нашему оператору. Я так толком и не поняла, какие отношения связывают их – помимо того что когда-то они работали вместе. Если верить Эмми, он отправился с нами чуть ли не по доброте душевной, поскольку обычно берет за свои услуги чуть ли

не в три раза больше, чем мы сможем заплатить ему за эти пять дней.

Оператор Роберт (вроде так его зовут – он представлялся и при первой встрече, и вчера, когда мы впервые собрались всей командой, но у меня плохая память на имена) стоит сразу за ней. Он высок и широкоплеч, и был бы даже красив, если б не морковно-красные волосы, а также множество золотистых веснушек, украшающих помимо лица шею и, вероятно, тело; все это в комбинации с невидимыми бровями и карими глазами делает его слишком похожим на белку. Он тоже молчалив. По-моему, я слышала от него не более четырех предложений за все время нашего знакомства, включая тот, первый раз и наше вчерашнее общение.

– Какой у нас план? – спрашивает Эмми, глядя на меня в упор.

Я откашливаюсь и говорю:

– Разобьем лагерь внизу, на центральной площади. Она станет хорошей отправной точкой, поскольку находится в центре города. Нам надо спуститься туда. Это на другой стороне реки, но, по имеющимся у нас сведениям, мосты еще достаточно крепкие и смогут выдержать наши машины.

– Откуда такая информация? – спрашивает Эмми, удивленно приподнимая брови. – Мне кажется, этого нет ни на каких картах.

Слышу, как вдалеке открывается дверь машины. Максу явно интересно, почему мы стоим.

– Из отчета, – отвечаю я, пытаясь подавить раздражение, волной нахлынувшее на меня.

«Ты же знала, на что обрекаешь себя, когда просила ее стать частью команды», – напоминаю я себе.

– Из отчета, составленного горнодобывающей компанией в конце девяностых. Они побывали здесь и обследовали эту территорию, – объясняю я. – Его копия находится среди полученных нами бумаг.

– И ты действительно считаешь эту информацию по-прежнему актуальной? – спрашивает Эмми. – Я имею в виду, ей же уже двадцать лет. То, что мосты были безопасны для машин тогда, вовсе не означает, что они остаются такими и сейчас.

– Мы съедем вниз и проверим, – отвечаю я коротко. – И если они будут выглядеть как-то не так, просто изменим наши планы.

Вижу, как к нам, обходя автофургон, приближается Макс.

– Что происходит? – спрашивает он.

– Ничего, – говорю я.

Эмми бросает взгляд через плечо. Она, похоже, откровенно невзлюбила его с того момента, как он появился в наших рядах. Макс щурится, смотря в сторону солнца; белокурые волосы свешиваются ему на лоб, уголок воротника рубашки задрался к горлу. Я знакома с ним с тех пор, когда он еще имел привычку ходить в заношенных футболках с названиями рок-групп, которые никто, кроме него самого, не знал. И пусть сегодня Макс достаточно богат, чтобы отправиться с нами в дорогу в качестве спонсора проекта, и носит рубашки, стоящие больше всего моего гардероба, у него по-прежнему такой вид, словно он чувствовал бы себя комфортно и в том старом прикиде.

Туне смотрит на небо и замечает:

– Нам надо спешить.

И тогда я тоже понимаю, что уже начало темнеть.

– Сейчас мы будем спускаться по склону, – сообщаю Максу, как раз успевшему подойти к нам, а потом обращаюсь к другим: – Просто следуйте за нами.

К счастью, Эмми лишь молча кивает, а потом спрашивает своего напарника:

– Роберт, хочешь сесть за руль?

Макс поднимает большой палец, глядя на меня, и тоже возвращается к своей машине.

Я запрыгиваю на водительское сиденье и слышу, как Эмми кричит мне:

– Только езжай осторожно, чтобы не повредить оборудование!

– Не ты же за него платила, – бормочу я и резко захлопываю за собой дверь.

Сейчас

На склоне не видно и намека на остатки дороги или тропинку, ведущую вниз. Где-то некогда явно находилась какая-то грунтовка, но, как я ни искала по картам, мне не удалось ее найти. Большинство поставок в город и из него обычно осуществлялось поездом.

Кусаю себя за щеку – и медленно начинаю спуск. Заслышав, как у меня за спиной в грузовом отсеке что-то начинает двигаться вперед, крепче сжимаю руль. Туне оглядывается через плечо, пусть сквозь железную стенку ничего не увидишь, потом снова поворачивается вперед и спрашивает меня:

– Ты уверена, что сможешь работать с ней?

Скорее всего, она задает этот вопрос без всякой задней мысли, но я все равно принимаю его как критику в свой адрес. Ничего не поделаешь, Туне порой не хватает такта.

– А разве у меня был выбор? – говорю я просто.

Мы переезжаем через корень, и машину подбрасывает.

– Да уж точно, – соглашается Туне. – Никакого.

Эмми стала последним выходом. Я задействовала все возможные контакты в нашей сфере, давала объявления и искала через социальные сети, но всё без результата. Конечно, кое-кто интересовался – но все они сразу же давали задний ход, стоило им узнать, сколь ограничены мы в средствах и какой скудный у нас опыт. Диплом по специальности кинопроизводство и участие в нескольких коротких проектах в качестве ассистента продюсера весят не так много, когда надо набрать собственную команду. Нелегко найти людей для очередного малобюджетного проекта, особенно когда нужен грамотный персонал.

В конечном итоге я сдалась – однажды вечером, пребывая в полном отчаянии после того, как моя последняя надежда, бывший одноклассник и экс-бойфренд, который, несмотря на его вредный характер и длинные сальные волосы, принимал участие в нескольких по-настоящему серьезных детищах ТВ-4, позвонил и отказался, когда ему предложили другую работу, где платили нормальную зарплату. Я сдалась – и назвала имя Эмми.

До той поры я и Туне ни разу не упоминали ее в наших разговорах. Однако, несмотря на все мои усилия делать вид, будто Эмми Абрахамссон никогда не существовало, я не забывала о ней, проверяла ее страничку в «Фейсбуке» с равными промежутками, «гуглила» ее порой поздними вечерами. После универа у нее все сложилось хорошо. Лучше, чем у большинства других с нашего курса. Половина из тех, с кем мы учились, ушли из киноиндустрии в течение пары лет после выпуска. Но не Эмми.

Собственно, это не удивило меня. Она всегда была ушлой. И дружила с головой.

Когда я назвала ее имя Туне, та удивленно приподняла брови и спросила, почему я не вспомнила о ней раньше. Понятное дело, Эмма представлялась ангелом божьим – тем, кто не знал, что она за штучка. Или какой могла стать…

Переключаю передачу, когда спуск заканчивается и мы оказываемся на ровной поверхности, – и с облегчением перевожу дух, еще толком не осознав, что справилась с очередной трудной задачей.

– Я сомневалась, что машина выдержит весь путь вниз, – признаю?сь я дрожащим голосом Туне и начинаю смеяться. – Мне постоянно казалось, что она вот-вот развалится на куски.

– Будем надеяться, что и выбраться отсюда мы тоже сможем, – сухо отвечает Туне.

Я лишь поднимаю глаза к небу и сосредотачиваюсь на домах, которые сейчас начинают появляться перед нами.

Они построены по образцу и подобию классических шведских деревенских жилищ, с V-образной крышей и маленькими окнами. Первый, оказавшийся у нас на пути, настолько мал, что больше напоминает сарай, и стоит он немного в стороне от остальных, находящихся примерно в ста метрах дальше впереди. Его стены когда-то имели темно-красный цвет; теперь краска висит на досках большими клочьями, а в черных пятнах окон, окаймленных белыми рамами, еще кое-где блестят остатки стекол. Заходящее солнце светит ему в тыл, и покатая крыша отбрасывает слишком длинную тень, чтобы заглянуть внутрь. Я чувствую, как по спине у меня пробегает холодок, и машинально сбрасываю скорость.

– Это?.. – спрашивает Туне.

– Дом Биргитты Лидман, – заканчиваю я вопрос за нее. – Убогой Гиттан. Да, это, скорее всего, он.

Подробных карт городка не так уж много. Общие планы с пометками – лучшее, чем мне удалось разжиться. Но я почти уверена, что это ее дом.

Мне, собственно, хотелось бы остановиться и глянуть, но нам надо разбить лагерь до темноты. Согласно составленному нами графику, мы должны приступить к обследованию города завтра спозаранку, а снимать начнем не раньше второго или третьего дня. Но нам понадобится каждая минута из наших пяти дней здесь, на которые рассчитан бюджет.

Кроме того, многое еще надо подготовить: определить места съемки, пересмотреть и отредактировать сценарий, написанный нами для фильма, расписать, как лучше всего расположить сцены относительно друг друга, чтобы наш сериал в конце концов получился таким, каким мы хотим его увидеть.

Небольшой трейлер, выложенный нами на странице «Кликстартера», на удивление хорош, если учесть, сколь мало материала имелось для работы над ним. Туне удалось уговорить одного фрилансера, знакомого ей со времени ее

работы в рекламной сфере, сваять сей шедевр по дружеской цене. Однако, при всем его великолепии, это всего лишь 45-секундная подборка обычных снимков природы и старых документов со зловещим закадровым текстом. Настоящий трейлер с драматическими фотографиями из самого Сильверщерна сможет здорово увеличить наши шансы заполучить нужную сумму через «Кликстартер», даже если мы не получим гранты, на которые надеемся.

Честно говоря, все зависит от этой поездки. У нас есть лишь одна попытка. Если мы не преуспеем, мне вряд ли стоит рассчитывать на то, что Макс раздобрится еще раз и оплатит вторую.

– Там, – говорит Туне.

Сначала я не понимаю, на что она указывает, но потом вижу довольно широкое пространство между двумя строениями. Дорога. Она неасфальтированная, но ничего иного я и не ожидала.

– Это, вероятно, главная улица, – говорю.

– Одна из них, в любом случае, – соглашается Туне.

Продвигаться по грунтовке гораздо проще, даже если она сильно заросла и неровная. Никто из нас больше ничего не говорит: мы заняты созерцанием города, в который въезжаем. Дома, словно глазами, таращатся на нас пустыми окнами. Большинство из них похожи почти как две капли воды – бревенчатые, покрашенные в белый, желтый и красный цвета. Они представляются мне мумифицированными призраками старой мечты о шведском сельском жилище.

Из растительности вокруг преобладают вереск и прочие кустарники, но местами также видны небольшие сучковатые сосны – они пробиваются вверх сквозь прогнившие ступеньки лестниц и завалившиеся заборы. Мне внезапно становится интересно, сколько надо времени, чтобы зелень поглотила весь город и тот исчез полностью. Еще пятьдесят лет? Сто?

На мгновение у меня перед глазами возникает картинка того, как все выглядело здесь раньше, затушевывая разруху, царящую вокруг. Те же дома, но со свежим слоем краски. Цветущие сады. На дороге, по которой мы едем, играют дети, не обращая внимания на машины и велосипеды. Во дворах женщины развешивают

сушиться выстиранное белье. Потные, небритые мужчины возвращаются с шахты в конце дня; они обливаются водой из ведра в садах, заходят внутрь и занимают места у грубо сколоченных столов в холодных, но красиво обставленных кухнях, где их уже ждет ужин. В городишках, подобных этому, наверное, ужинали рано, не позднее пяти часов.

Автомобиль подпрыгивает, когда мы наезжаем на камень, и моя фантазия в одно мгновение рассыпается, а я фокусируюсь на настоящем.

Когда мы минуем то, что, наверное, было некогда перекрестком, Туне снова молча показывает в сторону, и, посмотрев туда, я не могу удержаться от бранных слов, а потом сбрасываю скорость и останавливаюсь, но не глушу мотор. Остатки солнца исчезли за деревьями. До темноты осталось рукой подать.

Быстро опускаю стекло и машу второму фургону, который замирает позади нас.

– В чем дело? – кричит наш оператор из своего окна. В зеркало мне видно, как за ним останавливается синий «Вольво». Я не могу видеть Макса сквозь стекло, но его машина, похоже, спустилась по склону без больших проблем.

– Мост, – говорю я.

Исходя из отчета горнодобывающей компании, я свято верила, что западный мост был бетонным, но это явно не так. Совершенно непонятно, как двадцать лет назад его могли счесть безопасным для проезда машин. Черные гнилые деревянные огрызки по обеим сторонам реки – вот и все, что он представляет собой сегодня. А сама река явно глубже, чем я думала, и, похоже, несет она свои воды к озеру довольно быстро, каким бы вялым ни казалось ее течение в опускающихся на город сумерках.

– Черт, – бормочу я.

– Что ты собираешься делать? – спрашивает Туне. Она тоже открыла окно со своей стороны с целью запечатлеть остатки моста, но сейчас уже снова закрыла его и опустила камеру.

– Понятия не имею, – отвечаю.

– Мы же можем разбить лагерь где-то в другом месте? – предлагает Туне. – Только на одну ночь. А утром сообразим, как нам перебраться на другую сторону.

Я качаю головой, чувствуя, как по спине у меня пробегает дрожь. Уголком глаза вижу дома, наблюдающие за мной своими черными глазницами.

– Нет, – говорю я. – Мы проверим, стоит ли еще другой мост. Если нет, придется что-то придумывать.

Туне немного приподнимает брови.

– А что о нем написано в отчете? Он надежный?

– Не знаю я, что там написано, – обрываю ее. – Отчет неверен в отношении данного моста; с таким же успехом он может лгать и по поводу другого. Или они перепутали их…

Туне сердито поджимает губы и молчит.

– Скажу другим, – говорю я, вылезаю из кабины и с шумом закрываю дверь за собой. Запах выхлопных газов работающего мотора преследует меня, пока я иду до второго фургона.

У нашего оператора по-прежнему открыто окно; он выглядит абсолютно спокойным, наблюдая за мной из-за лобового стекла. Встречается со мной взглядом, но ничего не говорит.

– Нам надо попытаться проверить другой мост, – заявляю. – Он впереди, немного дальше.

Парень кивает в знак того, что услышал меня.

Мой взгляд перемещается на Эмми.

Она выглядит изможденной. С близкого расстояния видно, что ее белая футболка внизу заляпана чем-то непонятным, желтоватого цвета, а мужские джинсы, несмотря на толстую ткань, имеют дыры на обоих коленях. Под серо-зелеными глазами мешки, губы тонкие и шершавые.

Она смотрит на меня из-под коротких темных ресниц – каким-то образом равнодушно и одновременно сердито.

Выпрямляюсь, и она исчезает из моего поля зрения. Потом поворачиваюсь к Максу и жестами показываю на реку. Будем надеяться, он понял, что ему надо следовать за нами.

Когда я снова залезаю на водительское сиденье, Туне сидит и, грызя ноготь большого пальца, таращится на строение, стоящее слева от нас, – маленькую виллу, которая когда-то выглядела довольно привлекательно. Это один из самых больших домов здесь. Пожалуй, он принадлежал директору шахты.

Секунду я размышляю над тем, не мог ли этот дом быть жилищем пастора, но потом отбрасываю эту мысль. Тот должен находиться ближе к церкви.

– В чем дело? – спрашиваю я Туне, надеясь, что та больше не злится по поводу нашего давешнего разговора.

Она вздрагивает, медленно опускает руку к колену.

– Хмм… Что?

– Это.

Я показываю на дом. Внешне он смотрится лучше, чем другие в окр?ге. Его входная дверь немного приоткрыта и висит на одной ржавой петле, но стены все еще стоят, крыша целая, большая часть фасада в порядке.

– У тебя такой вид, словно ты увидела что-то, – объясняю я.

Туне несколько секунд таращится на меня рассеянным взглядом, потом еле заметно ухмыляется.

– Просто задумалась немного, – говорит она.

Я не понимаю, как реагировать. Потом решаю попросту не обращать на это внимания. Знаю, что мне не о чем беспокоиться. Порой слова и поступки Туне довольно трудно истолковать, но это лишь ее проблема. И она не разделяет мой энтузиазм относительно Сильверщерна.

Мы не спеша едем дальше по дороге. Вскоре река снова оказывается закрытой от нас рядами пустых домов с черными окнами. Становится все темнее, уже трудно разглядеть, что находится по сторонам.

Потом я с облегчением перевожу дух – слева от нас строения опять расступаются, и я внезапно вижу хорошо знакомый силуэт.

– Есть! – показываю на небольшой каменный мост.

Туне тихо присвистывает.

– Красиво, – говорит она.

Сводчатый, из пятнистого гранита, появившийся перед нами как по мановению волшебной палочки, мост действительно кажется сказочным творением. Он обильно покрыт мхом, но выглядит надежным. И явно старше, чем все остальное в Сильверщерне.

– Он, наверное, был здесь изначально, как думаешь? – говорит Туне. – Еще до того, как государство забрало себе шахту и построило этот город…

– Точно, – соглашаюсь я. – Они, пожалуй, ошиблись в своем отчете. Как я и думала. Именно его посчитали надежным.

Туне настороженно приподнимает брови, в то время как наш автомобиль подъезжает к мосту.

– Ты уверена в этом? – спрашивает она. – Если он такой старый, то, возможно, уже не столь крепок, как раньше. Я не знаю, насколько основательно строили

подобные сооружения в то время. Особенно когда от них требовалось лишь выдерживать вес крестьян и их лошадей. А не автофургонов…

Какое-то мгновение я колеблюсь. Но потом качаю головой и снова осторожно даю газ.

– Все будет нормально, – говорю и выезжаю на мост.

Несколько секунд жду, что он вот-вот уйдет под нами вниз, но этого не происходит. Мост стоит. И мы оказываемся на другом берегу буквально через несколько секунд.

Туне только качает головой, а я восторженно улыбаюсь. Знала, что мост не подведет. Иначе и быть не могло.

Я так старалась попасть сюда… И каждый шаг на этом пути стоил мне немало труда. Теперь уже ничто не должно помешать моему фильму.

От моста дорога ведет прямо к центральной площади, и мы медленно едем туда по вереску и камням, а за нами следуют другие автомобили.

Здание с поседевшим от времени каменным фасадом когда-то явно служило ратушей, а возвышающаяся напротив него копия виллы «Курица» из произведений Астрид Линдгрен могла быть только школой Сильверщерна. Ныне вместо дверей у нее чернеют пустые проемы.

Площадь меньше, чем я ожидала; она вымощена камнем и успела сильно зарасти. Пожелтевшая, сухая прошлогодняя трава торчит из щелей между булыжниками, которые кое-где целиком выдавлены на поверхность особо амбициозными побегами сосны, наверное, уже уставшими от зимы.

Мы выезжаем на площадь и останавливаемся в ее центре. Я ставлю машину на ручной тормоз и выключаю мотор.

– Ага, – говорит Туне, в то время как мы обе поднимаем взгляд на церковь. Уже довольно темно, и ее купол невозможно разглядеть. Я вижу, как фургон Эмми паркуется рядом с нашим и замирает. Синий «Вольво» Макса встает позади него.

– Вот мы и на месте.

Сейчас

На улице холоднее, чем я думала. К тому моменту, когда воцарилась темнота, от толики тепла, оставленной после себя бледным апрельским солнцем, не осталось и следа. Зимняя стужа еще прячется в земле, а ночью пробирается на поверхность между булыжниками и наполняет воздух запахом мерзлой почвы.

Мы развели маленький костер – и обнаружили, что во всей этой ситуации есть что-то извращенно-приятное. Дружку Эмми Роберту удалось умыкнуть где-то музыкальный центр, работающий от генератора, и теперь из динамиков льется старый добрый рок. Я не знаю, кто из этой парочки выбирал музыку, но она навевает воспоминания о холодных комнатах в студенческом общежитии и теплом пиве, о тяжелой голове Эмми на моем плече и оживленной пьяной болтовне. Туристический коврик, на котором покоится моя задница, довольно тонкий, и я чувствую ею все неровности площади. Туне сидит слева от меня и молча ковыряет ложкой свою порцию наспех разогретой еды. У нас с собой провизии на пять человек в расчете на неделю – просто на всякий случай, ничего экстраординарного. Эмми и Туне – вегетарианки, поэтому для простоты мы ограничились главным образом чечевицей и бобами.

Макс сидит справа от меня, немного ближе, чем Туне, и его плечо касается моего. Поверх рубашки он натянул толстый вязаный серый свитер со слишком длинными рукавами. Макс контролировал приготовление пищи, если сейчас так можно назвать то, чем он занимался, а именно с равными промежутками и важной миной помешивал содержимое горшка, который мы поставили на огонь. Это для него типично: он хочет, чтобы все делалось правильно, и, похоже, по его мнению, никто другой, кроме него, не осознает значение данного понятия. Поэтому Макс настоял, что поедет на собственном автомобиле, не согласившись войти в экипаж какого-то из фургонов, и, как я подозреваю, по той же причине рвется присутствовать при съемке, хотя не имеет ни малейшего опыта в кинопроизводстве.

Мы познакомились, когда, будучи чуть старше двадцати, входили в одну и ту же молодежную компашку. Я тогда только перебралась назад в Стокгольм после

окончания университета, а Макс был компьютерным фанатом, обожавшим инди-поп и обладавшим бесконечным запасом шуток. Уже в то время его считали страшным педантом. Но, с другой стороны, данное качество ему здорово помогло. Как раз благодаря своей дотошности и кропотливости он сумел к двадцати девяти годам заработать себе небольшое состояние на блокчейн-трансакциях. В результате чего смог вложить в «Город» так много денег, что это позволит нам запустить проект.

Я смотрю на Макса и улыбаюсь, а он сразу же начинает улыбаться в ответ так, что его мальчишеское, слегка асимметричное лицо начинает сиять в свете костра.

– Что с тобой? – спрашивает Макс, а я качаю головой.

– Просто у меня пока не укладывается в голове, что мы наконец здесь, – отвечаю. – Что я в Сильверщерне.

Уголком глаза я вижу, как Эмми на полуслове обрывает фразу, предназначенную Роберту, и смотрит на нас, и я слышу только половину ответа Макса:

– Да, ощущение совершенно нереальное.

У Эмми в руке фляжка, замечаю я, глядя на нее через языки пламени, и сейчас она делает маленький глоток, окидывая взглядом площадь. Звезды, подобно осколкам разбитого стекла, покрывают небо над нами, темный лик новой луны едва заметен. Гуляющий по городу ветер не сильнее еле слышного шепота, но все равно ему удается забраться под одежду. Я вся дрожу, но, замечая намерение Макса стащить с себя свитер и передать его мне, качаю головой, прежде чем он успевает сказать что-то.

– Все нормально, – говорю я ему. – Это просто от волнения. Ничего страшного.

Эмми делает еще один глоток, прежде чем протягивает фляжку Роберту, который, заметив, что я смотрю на него, вопросительно приподнимает брови. Я уже собираюсь принять его предложение, но чувствую на себе взгляд Эмми, и меня начинают одолевать сомнения.

– Нет, спасибо, – говорю, стараясь не показать свое раздражение. – Вся ответственность на мне, поэтому я не хотела бы пить, пока мы здесь.

– Разумно, – замечает Эмми, и я готова поклясться, что слышала издевательские нотки в ее хриплом голосе.

– Такое у меня мнение, – говорю я как можно более нейтральным тоном.

Эмми никак не реагирует на мои слова. Вместо этого спрашивает:

– В городке ведь больше нет другой площади?

Прежде чем я успеваю ответить, она продолжает:

– И тогда, значит, именно здесь они нашли…

– Да, – подтверждаю я. – Это и есть центральная площадь. И именно на ней они нашли ее. Биргитту.

Поскольку уже вовсю начало темнеть, когда мы добрались сюда, у нас не нашлось времени по-настоящему обследовать место, где мы припарковались. Было гораздо важнее проверить оборудование, убедиться, что машины в рабочем состоянии, что ничто не разбито и не потерялось. Но я все равно не смогла удержаться от соблазна и пробежалась вокруг, после того как мы с Туне поставили палатку, где будем спать. Пробежалась исключительно с целью почувствовать запахи, и тишину, и землю. Представить себе, как все было.

Я не нашла столб; да, собственно, и не рассчитывала. Наверняка они свалили его, когда снимали тело. И даже если, вопреки всем ожиданиям, не сделали этого, в любом случае грубо обтесанная деревяшка не могла простоять шестьдесят лет.

Но я обнаружила дыру.

Она находилась посередине площади, всего в нескольких метрах справа от небольшого заросшего участка, где мы поставили наши машины. Булыжники там вывернуты на поверхность, и ямка имеет размеры примерно 15 на 15

сантиметров. Сейчас она сильно заросла и забилась сухими ветками и листьями, но я почти уверена, что именно в ней стоял столб.

– Где ее похоронили? – спрашивает Макс, и я вздрагиваю, вырванная из своих мыслей.

– Не знаю, – отвечаю. – Я искала, но не смогла найти никаких данных на сей счет.

– Похоже, о ней вообще очень мало написано, – говорит Эмми. – Во всяком случае, в материалах, которые ты нам дала, почти ничего нет.

Качаю головой.

– Да, всё так. Главный источник информации о ней – письма моей бабушки, но написанное там трудно подтвердить или опровергнуть. Я проверила книги регистрации по месту жительства и нашла некую Биргитту Лидман, рожденную Анной-Карин Лидман в тысяча девятьсот двадцать первом году. На том все и заканчивается. Никаких визитов к врачу или школьных оценок, ничего…

– Ну, вряд ли ведь стоило ожидать, что девочка, получившая прозвище Убогая Гиттан, ходила в школу, – говорит Макс. – Особенно если все с ней обстояло столь плохо, как означено в письмах.

– Судя по ним, она страдала какой-то формой аутизма, – замечает Роберт басом.

– Пожалуй, – соглашаюсь я; сама ведь потратила немало времени на попытки разобраться с этим, проверяя известные нам симптомы заболевания Биргитты через Интернет. – Или у нее была некая хромосомная мутация.

– Нельзя диагностировать людей таким образом, – вмешивается в разговор Туне. Свет костра оставляет темные тени у нее под глазами и носом, отчего лицо выглядит изможденным. – Невозможно понять, чем она страдала.

– Да, конечно, – соглашаюсь я. – Мы и не знаем этого.

Музыка замолкла, и тишину теперь нарушает лишь треск хвороста в огне. Большая часть его уже превратилась в уголья; теперь они тлеют, излучая

своеобразный свет, и прямо-таки притягивают взгляд.

– Ты не пыталась выяснить, что произошло с малышкой? – спрашивает Эмми, поворачиваясь ко мне.

– О ней позаботилась система, – отвечаю я, стараясь сохранить тот же деловой тон, каким говорила о Биргитте. – Возможно, ее поместили в детский дом или усыновили. Но данные такого рода являются закрытыми.

– Ее когда-нибудь проверяли на предмет того, кем были ее родители? – спрашивает Эмми.

– Каким образом, тогда-то? – интересуюсь я, уже толком не сумев спрятать свое раздражение. – В шестидесятые еще не существовало американского сериала «CSI: Место преступления». И о тесте ДНК никто не знал. – Пожимая плечами, продолжаю: – Да и с кем могли сравнивать? Все ведь пропали.

– Но ведь твоя бабушка осталась, не так ли? – возражает Эмми. – Наверняка хватало и других, вроде нее… Людей, имевших родню в городе. Очень близкую.

Изо всех сил стараясь сдерживать себя, я довольствуюсь короткой фразой:

– Это не так просто.

Эмми, не обращая ни малейшего внимания на мой тон, поворачивается в сторону пустых оконных проемов школьного здания.

– В какой классной комнате ее нашли?

– В кабинете школьной медсестры, – отвечаю я. – Ее звали Ингрид Юзефссон. Но самой медсестры, естественно, там не было. Только младенец.

Не могу сдержаться – тоже поднимаю глаза и смотрю в ту же сторону, хоть и прекрасно знаю, что это бесполезно. Окна ведь не заговорят со мной.

– Жаль, что ты не нашла ее, – говорит Эмми, глядя на меня. – Было бы здорово привлечь найденыша к участию в фильме. Это придало бы ленте более личный

оттенок.

– По-твоему, она захотела бы присоединиться к нам? – спрашиваю я. – Даже если б удалось ее отыскать? Ей же сейчас почти шестьдесят. Она может находиться где угодно. Или уже умерла.

– Ну да, – соглашается Эмми. – Пожалуй.

– Кроме того, это ведь уже в какой-то мере личное дело, – говорю я ей. – Разве мы непосредственно не связаны с городом? Вся бабушкина семья исчезла…

У меня пересохло в горле, в результате я немного хриплю, отчего мои слова звучат более эмоционально.

Я уже собираюсь продолжить (именно поэтому мы здесь, из-за нее и ее рассказов о Сильверщерне), когда Роберт опережает меня.

– А кто писал письма твоей бабушке в то время? – спрашивает он.

Я уже готова ответить, но взамен слово берет Эмми, впиваясь в меня взглядом своих зеленых глаз.

– Младшая сестра ее бабушки. Айна.

13 ноября 1958 г.

Любимая Маргарета!

Как у тебя дела в большом городе? Как твоя новая квартира? Как бы я хотела оказаться там с тобой и посмотреть ее! Пожалуй, мне удастся наконец приехать и навестить тебя и Нильса сейчас, когда вы переехали. Я могла бы спать на вашем диване! Ты же сама знаешь, какая я маленькая, и вряд ли подрасту еще, к сожалению. Я догадываюсь, что ты скажешь, когда прочитаешь это, как повторишь свои обычные слова: «Кончай переживать, Айна, я была не больше мизинца в твоем возрасте, а потом вытянулась». Но тогда, я думаю, ты все равно имела в виду себя двенадцатилетнюю, а не шестнадцатилетнюю. (Ты, конечно,

никогда не поверишь, что я стала старше, чем была, когда ты уехала!) Я не выросла ни на сантиметр со времени нашей последней встречи, а она была почти четырнадцать месяцев назад, поэтому, по-видимому, мне пора оставить надежду.

Я действительно скучаю по тебе, Маргарета!

Я хочу, чтобы ты приезжала и навещала нас чаще. Здесь так скучно после того, как шахту снова закрыли… Сначала это казалось даже немного забавным, как будто воскресенье продолжалось целую неделю, было так много народу в городе днем, и папа постоянно находился дома. Он вещал, что наверняка все образуется. Но сейчас это начало казаться странным. Многие переезжают. Янссоны из углового дома уехали на прошлой неделе, а Вера, которая ходила в твой класс, сказала маме, что они пакуют вещи и собираются искать счастье где-то в другом месте.

Папа стал очень молчаливым. А у мамы, похоже, столько хлопот, что на нас больше совсем нет времени. Она просит меня делать все вместо нее. Я просто с ума схожу от этого! По ее мнению, все, чем я занимаюсь, – сущая ерунда, а когда я начинаю говорить, что занята, она просто испепеляет меня взглядом в хорошо известной тебе манере и заявляет, что не может быть ничего важнее, чем помощь нашим соседям и ближним.

Ненавижу, когда она поступает так!

Сегодня я задумала сходить к Лене, но мама попросила меня отнести еду Гиттан вместо нее. Я спросила, почему она не может сделать это сама, и услышала в ответ, что ей надо прогуляться со школьной медсестрой домой к какой-то старой больной даме и позаботиться о ней. Я заявила, что медсестра в состоянии справиться сама, а у меня других дел выше крыши. Мама спросила, чем я собираюсь заниматься, и я рассказала о наших с Леной планах сходить к реке, и тогда мама ответила, что и река, и Лена никуда не денутся, пока я дойду с корзинкой до Гиттан. А я не знала, как объяснить ей, что я абсолютно не уверена относительно готовности Лены ждать меня, если я не смогу составить ей компанию в то время, когда обещала сделать это. Мы же, само собой, хотели

прогуляться туда не с целью поглазеть на воду, а потому что старший брат Веры Эмиль и его друзья обычно предпочитают курить там сигареты, а Лена влюблена в него. Но я ведь не могла рассказать такое маме! Поэтому попыталась сослаться на обещание Лене и напомнила ей, что она говорила о необходимости всегда держать свое слово. Но этого мне, естественно, не следовало говорить, ибо тогда мама с важным видом спросила, считаю ли я мое обещание Лене более весомым, чем то, которое она сама дала умирающей матери Биргитты заботиться о ее дочери; и выглядела она тогда очень надутой, как с ней порой случается. В результате я почувствовала себя настолько маленькой и дрянной, что не осмелилась вякнуть ничего больше. Но я просто кипела от злости всю дорогу до дома Биргитты и думала обо всем, что мне следовало высказать маме.

Было бы лучше, если б ты находилась здесь, Маргарета. Когда мы ходили к Биргитте вместе, мне это даже представлялось каким-то таинством. По-моему, ей больше нравилась ты, чем я. Помнишь непонятный напевный звук, который она всегда издавала, когда открывала дверь и видела, что ты пришла? Она никогда не делает ничего подобного при моем появлении. Я помню твои и мамины слова о том, что она не будет сердиться, пока я соблюдаю ее правила, но, честно говоря, мне не нравится ходить туда одной. Мое сердце начинает биться как сумасшедшее, когда я вижу ее халупу, и у меня сразу пересыхает во рту. Мама сказала, что она пришла в ярость тогда, поскольку я открыла дверь без стука и запросто вошла внутрь. По ее словам, Гиттан больше боится меня, чем я – ее. Но она высокая, как взрослый парень, и большая, как медведь. После того случая мои царапины заживали несколько недель; я даже думала, что они останутся навсегда.

Ах, послушать меня, так мне не жалко Биргитту, но ты же знаешь, что все совсем наоборот! Я могу порадовать тебя, рассказав, что сегодня она выглядела бодрой. Она испачкала пол, вернувшись с лесной прогулки, и я хотела убрать грязь, но боялась разозлить ее. Опять же, мама не говорила мне убираться; считая, что я делаю это небрежно, она предпочитает заниматься подобным сама. Однако у Биргитты были розовые щеки, и она с аппетитом ела цыпленка и мягкое имбирное печенье. И даже делала странные движения руками, которые, если верить тебе, означают, что она радуется.

Я уверена, что мой страх скоро пройдет. В общем, Маргарета… дело не только в тех царапинах. Я боялась Гиттан и раньше. Она же такая большая и двигается странно, а из-за волос, свисающих ей на лицо, напоминает лесного тролля из тех сказок, какие обычно рассказывала мама. Пожалуй, есть еще одно дело, о нем

даже говорить страшно, но это правда. Она и пахнет лесом. Я предложила маме обрезать ей волосы и дать новую одежду, что-то другое вместо старых лохмотьев, в которых она ходит изо дня в день. Тогда, наверное, люди в городе не будут считать ее такой странной. Гиттан смогла бы жить в настоящем доме, и нам не требовалось бы присматривать за ней постоянно.

Но, по словам мамы, это не так просто. Порой мне кажется, что ей нравится заботиться о Биргитте. Она не дерзит и не играет у мамы на нервах, как делаю я, поскольку не умеет говорить.

Ну да. В любом случае, сегодня все прошло хорошо, и Лена даже не злилась, когда я вернулась. По ее мнению, Биргитта клевая, и она даже спросила, нельзя ли ей сходить со мной когда-нибудь. Представляешь? Я сказала «нет», так как, во-первых, мне кажется, маме это не понравится, и, во-вторых, по-моему, Лена не сможет соблюдать правила и разозлит Биргитту – и тогда одному богу известно, чем все закончится! К счастью, Лена не обиделась. Она даже дала мне попользоваться своей губной помадой, прежде чем мы пошли к реке. Она была действительно красивая. Я, пожалуй, смогу купить себе такую, как у нее, когда поеду навестить тебя и Нильса, или что ты скажешь?

Пиши скорее!

Твоя сестра Айна

Сейчас

Спальный мешок шуршит, когда я поворачиваюсь на другой бок. Палатка большая и довольно просторная, но ей все равно далеко до номера в отеле. В ней холодно и сыро, пахнет искусственной тканью и чем-то другим, непонятным, от чего меня слегка подташнивает.

Но это в любом случае лучше, чем спать на заднем сиденье «Вольво», как делает Макс. Насколько я понимаю, раньше он не ходил в походы – жизнь на свежем воздухе явно никогда не привлекала его. Он сам решил ночевать в машине, и я убеждена, что, пока мы здесь, его постоянно будут сопровождать боли в шее и

спине. Эмми и Роберт также не взяли палатку – если верить Эмми, они привыкли спать в грузовом отсеке и именно так обычно поступают при работе над малобюджетными фильмами. Вполне возможно. Но я рада, что сама могу избежать этого. В окружении железных стен мне было бы немного не по себе, особенно со всей той техникой, которая у нас там упакована. Даже с учетом того, что мы хорошо закрепили наше оборудование, мне все равно казалось бы, что оно обрушится на меня, пока я сплю.

Зато купленные нами спальные мешки хорошего качества и держат тепло так здорово, что прохладный воздух у моего лица не доставляет неудобства. Я люблю спать под толстым одеялом в холодном помещении с открытыми окнами – даже зимой. Но сейчас не могу сомкнуть глаз, несмотря на усталость. Возбуждение пронизывает все мое тело, заставляя бодрствовать.

– Не можешь заснуть? – слышу я хриплый голос Туне в темноте.

Поворачиваюсь на другой бок и оказываюсь лицом к ней, пусть даже различить что-то, кроме теней внутри, можно, лишь обладая зрением кошки.

– Я тебя разбудила? – спрашиваю.

– Нет, – слышу приглушенный ответ. – Ты же знаешь о моей беде…

Для нее проблемы со сном – обычное дело. Это стало одной из первых вещей, которые я узнала о Туне, когда мы впервые встретились в безымянной кафешке на площади Уденплан чуть более двух лет назад. Я стояла снаружи, не уверенная, что она вообще появится, и не представляя, кого мне высматривать, – ведь ее «фейсбучная» фотография в профиль была четырехлетней давности (шестилетней на сегодняшний день, – насколько я знаю, она по-прежнему не поменяла ее), вдобавок не лучшего качества. Но потом кто-то внезапно похлопал меня по плечу, и это оказалась она. Высокая и бледная, с коротко подстриженными белокурыми волосами и правильными чертами лица, в слишком большом, темно-синем мужском пальто с глубокими карманами. Изо рта у нее торчала недокуренная, но загашенная сигарета, и она подозрительно смотрела на меня своими серыми глазами, под которыми залегли черные круги.

– Я нигде не болталась и не пьянствовала всю ночь напролет, – сказала Туне, когда я вернулась к выбранному ею столу с двумя чашками кофе в руках. – Мне

плохо спится по ночам, поэтому я и выгляжу как привидение. Это просто для информации.

Тогда я не знала, как мне ответить на это. Сейчас же, когда мы знакомы довольно давно, могу утверждать, что Туне свойственно разрушать – абсолютно рефлекторно – негативное впечатление людей о ней еще до того, как оно успевает у них сложиться.

– Я тоже не могу расслабиться, – признаю?сь. – Мозг отказывается отключаться.

Туне хрипло отвечает в темноте:

– Ты можешь попросить немного виски из фляжки Эмми? Это, пожалуй, поможет.

Я закатываю глаза, пусть она и не видит меня.

– Что, можно начинать пить, стоит только добраться до места?

– Судя по тому, что ты рассказывала о ней, это не могло стать для тебя сюрпризом, – отвечает Туне.

Я слышу, как шуршит ее мешок, когда она меняет положение.

– Да уж, – подтверждаю. – Конечно.

Затем лежу и размышляю какое-то время.

– А у тебя ничего нет с собой? – спрашиваю наконец. – Никаких таблеток снотворного, например?

– Нет, – отвечает Туне. – Я не могу использовать такое. Если задуматься.

– Ах, – говорю я и зажмуриваю глаза. – Конечно же, не можешь. Какая я идиотка… Извини.

– Все нормально, – слышу я слегка веселый голос Туне. Он кажется громким в тесном пространстве, хотя она почти шепчет. – Ты же не обязана знать, какие таблетки я могу принимать, а какие не могу.

– Но все равно, – говорю я. – Мне следовало догадаться.

В палатке снова воцаряется тишина. Я приподнимаюсь, намереваясь по-другому сложить толстый свитер, который использую вместо подушки, и ложусь снова, оставив его почти в том же виде.

– Она знает? – внезапно спрашивает Туне, уже очень серьезным тоном.

– Кто? Эмми? – уточняю.

Она не отвечает.

– Я ничего не сказала ей, – говорю я, когда тишина уже начинает действовать на нервы. – Ни о чем. Ей известно лишь то, что есть в нашем информационном пакете.

– Не похоже, – говорит Туне. – Когда она начала интересоваться, делались ли попытки идентификации найденного ребенка, и завела речь о том, что тебе следовало бы отыскать его… – Замолкает, явно взволнованная.

– Я ей ничего не сказала, – повторяю. – Ты просила меня не говорить, так я и сделала… – Не услышав от нее ни слова в ответ, продолжаю: – Макс в курсе, но он ведь уже знал раньше. И пообещал молчать.

– Как много? – спрашивает Туне довольно резким тоном.

– Как много ему известно? – уточняю я. – Он в курсе, что твоя мать – тот самый младенец из Сильверщерна. Я рассказала ему, что нашла вас еще до того, как мы с ним встретились. Он спросил тогда, поедешь ли ты – или она – с нами, и я сказала, что не знаю, но сильно сомневаюсь на сей счет.

– Моя мама никогда не будет участвовать в этом деле, – бурчит Туне, повторяя уже сказанное ею множество раз прежде.

– Знаю, – говорю я. – Поэтому ни разу и не спрашивала ее.

Естественно, я думала об этом. Хотела, чтобы она присоединилась к нам. Но даже не предложила ей. Туне очень четко объяснила мне, что у матери нет ни малейшего желания вспоминать об этой части ее прошлого. Она не хочет быть ребенком из Сильверщерна, единственным выжившим человеком при крайне загадочных обстоятельствах, младенцем, которого нашли кричащим в пустой школе не более чем в тридцати метрах от палатки, где мы сейчас лежим. Как раз мать Туне я и разыскала первой. Хотя, в принципе, сказанное мною вовсе не является ложью: вся информация о случившемся с малюткой из Сильверщерна действительно засекречена, и к ней невозможно получить доступ. Я даже не уверена, остались ли данные об этом еще где-то. А если и сохранились, то, скорее всего, покоятся в самом дальнем углу какого-нибудь архива.

Но это не касается бабушкиных бумаг.

Копии кое-каких из них, конечно, есть в папках, полученных остальными. Но часть я приберегла исключительно для себя. И помимо прочего – переписку между бабушкой и Альбином Янссоном.

Насколько я поняла, он был одним из полицейских, занимавшихся убийством Биргитты Лидман и параллельно – загадкой Сильверщерна. Альбин и бабушка, вероятно, познакомились, когда пытались раскрыть его. Одно время я даже подозревала, что этих двоих связывало нечто большее – скажем, тайная любовь, – но, конечно же, совершенно напрасно. Есть всего шесть писем от него к ней, написанных исключительно в деловой манере. Похоже, Альбин Янссон жалел бабушку и, наверное, поэтому информировал ее о ходе расследования.

В том числе и о судьбе ребенка.

Бабушка, наверное, спросила его о малютке, или Альбин сам ощутил ее желание знать, как сложилась дальше жизнь девочки, поскольку он много писал о ней. О том, что выглядела она здоровой и бодрой, что несколько сотен семей по всей стране предлагали себя на роль ее удочерителей, но что, по его личному мнению, тем самым они прежде всего хотели прославиться. В пятом письме Альбин сообщает, что они нашли семью, согласившуюся сохранить анонимность девочки и «…воспитывать как одного из собственных детей». Там также упоминалось, как звали этих людей: «…семейство по фамилии Гримелунд».

Они и окрестили ребенка.

«Мы можем обрадовать вас тем, что девочке дали имя. Они назвали ее Хеленой».

Если б семейство носило фамилию Андерссон, возможно, я никогда не нашла бы Туне. Однако сочетание «Хелена Гримелунд» достаточно необычное, и поэтому мне удалось выйти на нее. Я отправила до неприличия много писем, пока до меня наконец не дошло, что мне не удастся получить никакого ответа от Хелены. Я уже была готова сдаться. Меня начинала мучить совесть, стоило вспомнить о бабушке, и я решила, что нахожусь в тупике. Пришлось соглашаться на любые временные работы, лишь бы все закрутилось. Но рассылаемые мною резюме не давали результата. И я больше не осмеливалась заходить в социальные сети, поскольку мне начало казаться, что все мои сокурсники стремительно поднимались вверх по карьерной лестнице, перепрыгивая через ступеньки, выигрывали призы за свои короткометражки, получали работу в Париже и Лондоне и так далее, тогда как сама я занималась черт знает чем: носилась с дурацкой идеей фикс, намертво засевшей в моем мозгу…

Но потом, когда уже потеряла всякую надежду, я увидела фотографию на «фейсбучной» странице Хелены, просматривая ее как-то вечером. Снимок оказался в самом низу, почти в конце, и его выложила не она – кто-то отметил ее на нем. Женщина самой заурядной внешности, с седыми, собранными в конский хвост волосами и натянутой улыбкой обнимала одной рукой девицу подросткового возраста.

«Хелена и ее красавица-дочь зажигают на нашей именинной вечеринке!» – гласила надпись под фотографией.

Девочка была отмечена как Туне Гримелунд.

С тех пор минуло два года, но я пока так и не встретилась с матерью Туне. Мне неизвестно, как много дочь поведала ей о проекте, да я и не спрашивала. Однако из всего немногого, рассказанного Туне, и из нежелания Хелены отвечать на мои послания поняла, что она явно без восторга относится к моей попытке разобраться в случившемся в Сильверщерне.

Да и сама Туне тоже очень долго не желала иметь никакого отношения к проекту. Наша дружба с ней – одна из самых странных историй в моей жизни. Уже с самого начала Туне объяснила, что хочет ограничить свое участие в моем детище исключительно пересказом того малого, что ей известно, но уже с нашего первого дня вместе, под дешевый кофе и предварительные разговоры, я догадалась, что при всей ее недоброжелательности в ней живет и определенное любопытство.

Стала бы она разыгрывать его, если б ее не устраивало происходящее?

Я не знаю.

Точно так же мне неизвестно, одобряет ли мать Туне ее присутствие в нашей компании, а также что ее психолог думает об этом. И я не позволила себе поинтересоваться этим.

– Попробуй поспать, – говорю ей. – Завтра ждет трудный день. И не беспокойся: никто из них не в курсе. И если ты будешь против, никто никогда и не узнает.

Сейчас

Дикий рев вырывает меня из объятий сна.

Пробуждение от крика напоминает ощущение, когда ты разбиваешь стекло голой рукой – все происходит в мгновение ока, четко и болезненно. Пульс подскакивает, в то время как я – не более чем наполовину осознанно – вылезаю из спального мешка и пытаюсь рассмотреть что-нибудь в темноте.

Только выбравшись наружу, понимаю, что мне не пришлось расстегивать молнию палатки, а значит, это сделали до меня. Выходит, я тут одна…

Вокруг по-прежнему ночь; царит тишина, нарушаемая лишь стуком моего собственного сердца. Потом я слышу звук открывающихся автомобильных дверей.

Мои глаза уже успевают привыкнуть к слабому свету луны – настолько, что я узнаю Эмми, выбирающуюся из грузового отсека автофургона. Ее волосы растрепаны и рассыпаны по плечам, и на ней нет штанов; из одежды лишь большая белая футболка, в которой она ходила днем, и трусы. Булыжники, вероятно, студят ее ноги так же, как и мои собственные. Я чувствую сырость набравшего за ночь влаги мха, когда тот втискивается между моими пальцами.

– Вы тоже слышали? – спрашиваю я ее, одновременно наблюдая, как Роберт тоже выпрыгивает из машины. Эмми не смотрит на него. Она уже обогнула их фургон спереди и явно направляется в сторону школы.

– Эмми, – говорю я, в то время как Роберт начинает бежать за ней.

Затем чувствую, что у меня нет выбора, и следую его примеру.

Обежав их машину, вижу, что Эмми замерла, сделав всего несколько шагов. Она стоит и пыхтит, жадно и с шумом хватая ртом воздух. Ее взгляд шарит по пустой площади, глаза блестят в холодном свете месяца. Эмми смотрит на синий «Вольво», где на заднем сиденье спит Макс, на фасад школьного здания и растущие у стен кусты.

Роберт останавливается позади нее и осторожно кладет руки ей на плечи. Неуверенно, словно гладит испуганную собачку. Она словно не ощущает его прикосновение.

– В чем дело, Эмми? – спрашиваю. Только тогда меня осеняет. – Это ты кричала?

Я не признала в том вое ее голос. Но в таких случаях все они похожи. Однако, когда она сейчас поворачивается в нашу сторону, я понимаю, что, скорее всего, права.

– Я что-то видела, – объясняет Эмми. Я не могу понять, то ли она слишком бледная, то ли все мы выглядим как привидения, стоя на площади в темноте при тусклом свете.

– Там кто-то был, – говорит Эмми, снова поворачиваясь лицом к зданию школы.

– Где? – спрашивает Роберт. – В доме?

Она качает головой, кладет руку ему на бедро и делает шаг в его сторону, явно машинально, словно прижимается к нему.

– Нет, – говорит. – Посреди площади. Перед машиной.

Эмми почти пищит, произнося эти слова. Сначала я думаю, что причина тому – раздражение и сарказм, но потом до меня доходит, что это вызвано страхом.

Она напугана.

– Что именно ты видела? – спрашиваю я ее.

Сколько окон смотрят сейчас на нас… Масса улочек разбегается в разные стороны от площади, подобно нитям паутины… Вокруг множество пустых пространств… И стен, за которыми можно спрятаться…

Я обхватываю себя руками, неосознанно пытаясь защититься от неведомой опасности, но, чтобы не выдать свой страх, тут же делаю вид, что просто скрестила руки на груди.

«Успокойся, – убеждаю я себя. – Здесь никого нет».

Эмми смотрит на меня.

– Я проснулась, – говорит она. – Услышала какой-то звук и встала посмотреть, в чем дело. Кто-то стоял перед машиной и глазел на меня. – Она сглатывает.

– Ты разглядела, кто это был? – спрашивает Роберт.

– Нет, – отвечает Эмми. – Было слишком темно. Я видела лишь силуэт. Но там определенно стоял человек. Я различила глаза. Он смотрел прямо на меня… – Она переводит дыхание. – Кто бы это ни был, он видел меня.

Качаю головой, чувствуя, как на затылке у меня начинают шевелиться волосы.

– Пожалуй, там никого не было, – говорю я ей. – Похоже, причиной всему сонный паралич. Это довольно обычное явление – людям часто мерещатся непонятные темные образы, таращащиеся на них. Такое происходит, когда человек только-только просыпается, и его мозг…

Эмми перебивает меня.

– Я знаю, что такое сонный паралич, Алис, – хрипит она. – Он здесь ни при чем. Я встала. Успела полностью проснуться. Я видела кого-то.

Открываю рот, собираясь ответить, но вдруг мне становится ужасно холодно. По телу пробегает волна адреналина, я вся дрожу, во рту появляется привкус железа. Морозная апрельская ночь медленно, но верно делает свое дело.

Однако внезапно от холода не остается и следа.

Там, с другой стороны площади. У угла школьного здания. Кто-то стоит.

Худой темный силуэт. Однозначно человек.

Я пытаюсь сказать что-то, лишь бы нарушить тишину, и лихорадочно повторяю про себя: «Здесь никого нет. Здесь никого нет. Здесь никого нет».

Но когда я моргаю, силуэт не исчезает.

Он начинает двигаться к нам. Я единственная вижу его, Эмми и Роберт смотрят на меня. И теперь мне приходится узнавать нечто неожиданное и неприятное о самой себе. Я всегда считала, что смогу правильно действовать в критической ситуации – бежать, кричать, бороться… Однако сейчас не в состоянии выдавить из себя ни звука, чтобы предупредить остальных.

Силуэт подходит ближе, лунный свет падает ему на лицо… и все становится на свои места.

Тело расслабляется так резко, что ноги едва удерживают меня. И я начинаю смеяться – чисто от облегчения.

– Что, черт… – открывает рот Эмми; ее лицо перекошено от волнения и зарождающейся злобы. Я показываю ей через плечо.

– Туне! – кричу. Прежде всего – с целью убедиться в своей правоте.

– Ой. Привет, – отвечает она, и тогда последние сомнения отпадают.

Туне в куртке, длинные голые ноги обуты в сапоги. Когда она подходит ближе и останавливается где-то в метре от нас, я вижу, что у нее заспанное лицо, а брови удивленно приподняты.

Она переводит взгляд с меня на Эмми и говорит:

– У вас что, какая-то ночная конференция?

Я качаю головой.

– По-моему, ты напугала Эмми. Ты ходила пи?сать, что ли?

– Ну да, – подтверждает Туне. – Напугала? Когда?

– Она, скорее всего, видела тебя, когда ты направлялась за угол, – объясняю я. – Решила, что кто-то стоит и смотрит на их машину.

Эмми все еще не произнесла ни звука. Она таращится на Туне, сузив глаза.

– Ой, – говорит та. – Извини. У меня и в мыслях не было будить тебя.

– Ты останавливалась перед машиной? – хрипло спрашивает Эмми.

– Нет, – отвечает Туне. – Или, точнее, я не знаю. Я тогда еще толком не отошла ото сна. Пожалуй, смотрела по сторонам, выбирая, куда пойти…

– Ты права, Эмми, – говорю я, пожимая плечами. – Это был не сонный паралич. Но и не призрак.

Зеваю, закрывая рот тыльной стороной ладони. Из-за комбинации внезапного пробуждения, страха и чувства облегчения на меня снова наваливается усталость.

– Я не утверждала, что это был призрак, – ворчит Эмми, не глядя на меня. – То, что я видела, стояло неподвижно, – говорит она, впиваясь взглядом в Роберта. – Оно не шевелилось и таращилось на нашу машину. И на меня.

Из-за усталости я начинаю терять терпение.

– Признайся: ты резко проснулась, увидела Туне, испугалась, приняла ее за какое-то мистическое существо и закричала. Всякое бывает… Ладно, сейчас мы пойдем и ляжем снова, завтра у нас тяжелый день…

Лицо Эмми напоминает маску из-за падающих на него теней. У меня нет желания стоять и дожидаться, пока мы с ней поругаемся.

Дойдя почти до самой палатки, я оборачиваюсь и бросаю через плечо:

– Спокойной ночи.

Не знаю, слышат ли меня Эмми и Роберт. Они по-прежнему стоят сбоку от своего фургона, еле заметные на фоне окружающей их темноты. Роберт одной рукой обнимает Эмми за плечи, и, судя по ее виду, она что-то говорит ему, шепчет так тихо, что ее слова не достигают меня. Оба они смотрят в сторону школы.

Я отворачиваюсь от них и залезаю в палатку.

Среда

Сейчас

Пробуждаюсь первой, хотя спала всего лишь несколько часов. Я всегда была ранней пташкой. Хуже всего мне приходится с похмелья – тогда уже на рассвете от сна не остается и следа, а потом я просто лежу в кровати, таращусь в потолок, мучимая жаждой и головной болью, пока не встаю и не тащусь на кухню, готовиться к долгому и тяжелому дню.

Но сейчас всё совсем не так. Несмотря на ночные события, от избытка энергии у меня зудят ладони и ступни.

Сегодня мы начинаем заниматься исследовательской работой.

Я как можно тише вылезаю из спального мешка, натягиваю на себя толстый свитер, который использовала в качестве подушки, и расстегиваю молнию палатки. Воздух снаружи прохладнее спертого и нагретого теплом наших тел воздуха, составлявшего нам компанию всю ночь. Он чист и прозрачен, как свежевымытое стекло.

Я вдыхаю его полной грудью.

Солнце только поднялось над горизонтом, и город утопает в его красно-розовом свете – как будто зарождающийся день, принимая эстафету у ночи, хочет уничтожить все воспоминания о ней, надеть все вокруг в яркий, радующий глаз наряд. У меня сразу же возникает страстное желание взяться за камеру, пройти по улочкам Сильверщерна в одиночестве, в тишине и запечатлеть его таким, каким я вижу его в наше первое утро здесь. Нетронутым и отдыхающим. Он – нечто большее, чем ожившая фотография. Реликт из ушедшей эпохи.

От костра на булыжниках остались лишь зола да угли. Я бросаю взгляд на заметно пострадавший от времени фасад школьного здания и силуэт церкви, возвышающейся над крышами домов. Он прекрасно смотрится на фоне виднеющегося вдалеке леса.

У меня перехватывает дыхание.

В ушах отдается эхом голос бабушки.

«В последний раз я видела мою сестру Айну, когда ей было всего семнадцать лет…»

В глубоком детстве я воспринимала рассказ о Сильверщерне как одну из сказок среди всех прочих. Прошло много времени, прежде чем до меня дошло, что это не просто правдивая история, а та пропасть, вокруг которой моя бабушка строила всю свою жизнь. Крепкая женщина с сильными руками и широкими плечами, она всегда впивалась глазами в своего собеседника, совершенно независимо от темы их разговора. Казалось, хотела убедиться, что с ней совершенно честны. Ничто так не злило ее, как ложь, сколь бы мелкой и безобидной она ни была. Пожалуй, бабушка просто не терпела, когда ее держали в неведении, не давали узнать всю правду.

– Но сейчас мы все выясним, бабушка, – говорю я тихо сама себе. – Ты и я.

Она всегда смотрела людям в глаза. За исключением тех случаев, когда рассказывала о Сильверщерне. Тогда отводила взгляд в сторону, всматриваясь куда-то в даль…

«Когда я переехала в Стокгольм учиться на медсестру, мне было восемнадцать лет, а моей сестре Айне только-только исполнилось двенадцать. В то время шахта в Сильверщерне еще работала полным ходом. Наш отец трудился на ней, а мама занималась нами. Тогда это считалось обычным порядком вещей.

Моя семья постоянно жила в одном и том же доме, где я и выросла. Маленький, желтый, он находился у реки, в нескольких кварталах вниз от церкви. Все дома на нашей улице имели тот же цвет, но только наш – зеленую дверь. Будучи маленькой девочкой, я всегда очень гордилась ею. Благодаря этой двери чувствовала себя какой-то особенной.

Я обычно навещала их, когда у меня оставались деньги на билет. Но в то время люди не разъезжали туда-сюда, как сейчас. До Сильверщерна ходили два поезда в неделю, и их приходилось долго ждать. Опять же, каждая поездка обходилась недешево…»

У моей бабушки были красивые глаза. Светло-серые, с крапинками, как полированный гранит. Пока беловатые пятна бельм не оккупировали роговицы и не лишили ее зрения. Точно так же, как деменция разрушила ее разум.

– Что ты сказала? – спрашивает голос у меня за спиной. Я вздрагиваю и резко поворачиваюсь.

Это Макс. Он снова натянул на себя свой вязаный стариковский свитер; стоит и трет себе затылок.

– Боже, как ты напугал меня, – говорю я.

Он ухмыляется.

– Ты, наверное, решила, что это призраки Сильверщерна пришли охотиться за нами?

– Ха, ха, – ворчу я, сердито хмурясь. – Очень смешно.

– Все равно здесь немного жутко, – говорит Макс и, оглядываясь, приближается ко мне. Потом останавливается рядом и поднимает взгляд на школу. – Нетрудно поверить, что в таком месте живут привидения.

– Угу, – соглашаюсь я, засовывая замерзшие руки в нагрудные карманы свитера. – Эмми проснулась, когда Туне отправилась в туалет, увидела ее через стекло и приняла за злой дух или что-то в этом роде. Удивительно, что ты не услышал ее.

– Черт, – говорит Макс и приподнимает брови. – Нет, я спал, как покойник.

Закатываю глаза к небу.

– Типично.

Макс ухмыляется, а потом окидывает взглядом провалившиеся крыши домов.

– Странно, что никто не сделал этого раньше, – говорит он. – Я имею в виду, это же шикарная история и идеальная среда. Странно, что ни одна из программ, специализирующихся на охоте за привидениями, которых куча развелась в последние годы, не заявилась сюда.

– Слишком далеко, – отвечаю. – Вокруг Стокгольма и Мальмё хватает усадьб с подобными обитателями, и им проще снимать свои фильмы там. Конечно, история Сильверщерна просто фантастическая, но немногие слышали о случившемся здесь, и дивиденды с нее запросто не получишь.

– Ну, это понятно, – соглашается Макс.

Он видит, что я слегка съежилась, и обнимает меня одной рукой; немного трет, пытаясь согреть.

– Может, мне приготовить для нас завтрак? – спрашивает. – Не хвастаясь, могу сказать, что в нашем скаутском отряде меня признавали лучшим поваром четыре года подряд.

Смеясь, я осторожно высвобождаюсь.

– Забавно, что ты был настоящим скаутом.

Макс ухмыляется.

– Ну, не то чтобы, – отвечает он. – Но я вполне в состоянии готовить. И сюда прибыл не только в качестве балласта и инвестора. Помочь – это запросто.

Пока Макс разводит небольшой костер и поджаривает над огнем хлеб, по очереди начинают пробуждаться другие. На Эмми новая, почти столь же грязная, как и днем ранее, футболка и куртка, в которой накануне ходил Роберт. Из чего я делаю вывод, что они – пара. Жду каких-то разговоров, шуток по поводу ночного происшествия и готова сделать все возможное, лишь бы не допустить ссоры, – но, к счастью, напрасно. Эмми почти не смотрит на меня. Я даже немного разочарована. С другой стороны, в этом тоже нет ничего нового. Она всегда выглядит по утрам словно после тяжелой работы. Я же обычно вставала спозаранку, полная энергии – после наших шумных студенческих

вечеринок, порой затянувшихся далеко за полночь, прибиралась, стирала, готовила завтрак, к которому Эмми едва притрагивалась, – лишь бы утолить свою неуемную жажду деятельности.

Но в то время ей это абсолютно не мешало. Мы жили в полной гармонии. Даже, казалось, дышали в унисон.

Пытаюсь не дать волю воспоминаниям, нахлынувшим сейчас на меня. Семь лет я старалась вытеснить ее из сердца и почти добилась своего, но теперь, когда она здесь, в непосредственной близости от меня, это гораздо труднее. Злые духи Сильверщерна могут лишь мечтать о тех душевных муках, которых она стоила мне.

Пожалуй, Эмми – мое собственное привидение.

Итак, все как следует позавтракали и напились растворимого кофе из дешевых белых пластиковых чашек. Я откашливаюсь, чтобы привлечь внимание остальных. Солнце уже успело высоко вскарабкаться на небосвод, и утро полностью вступило в свои права. Я изо всех сил стараюсь подавить нервозность и сажусь прямо на моем туристском коврике.

– Все сыты и довольны? – спрашиваю.

И сразу начинаю жалеть о сказанном – уж слишком сильно напомнила сама себе бойкую воспитательницу из детского сада. Эмми приподнимает брови, другие выглядят озадаченными. Но Макс кивает и улыбается.

– Думаю, стоит пройтись по нашему графику – сейчас, когда все мы здесь. Потом разделим задания на день и возьмемся за дело. Как вам такой прядок?

Эмми пожимает плечами.

– Звучит нормально, – отвечает она за всех.

– О’кей, – говорю я и заглядываю в свои бумаги, только что принесенные из машины. График, который я извлекаю из них, выглядит по-любительски. Шрифт Times New Roman, кегль 12, дешевая бумага. Может, взамен следовало

использовать глянцевую или что-то в этом роде? Надо будет попробовать…

– Сегодня и завтра от нас прежде всего требуется ознакомиться с городом. В ваших папках есть перечень восьми ключевых объектов. Это школа, металлургический завод, церковь, железнодорожная станция, дом Эльзы и Айны, дом Убогой Гиттан, жилище пастора и озеро. Они, по нашему мнению, наиболее важны для исследования, и для последующей съемки их надо изучить в первую очередь. Думаю, на этом мы сегодня и сфокусируемся. В ваших папках также лежат карты из отчета горнодобывающей компании; я пометила на них все эти места. Относительно кое-каких объектов мы не совсем уверены – а именно, жилища пастора и дома моей прабабушки, – поэтому займемся ими в самом конце.

Я едва успеваю закончить свой монолог, когда слово берет Эмми. Папка лежит открытой у нее на коленях; наморщив лоб, она начинает говорить, не отрывая взгляд от карты.

– Почему в списке нет шахты? – спрашивает она. – Она и на карте не помечена… А нам стоило бы поснимать и там. Это может очень пригодиться, особенно если мы собираемся рассказать, как изменилась жизнь в городке после ее закрытия.

– Это небезопасно, – отвечаю я. – Можно провалиться, особенно в окрестностях шахтного ствола. Руда здесь залегала очень близко к поверхности, поэтому добыча велась на небольшой глубине, и никто особо не следил за штольнями. Опасность обвала очень велика. Отчасти именно поэтому инспекторы, приезжавшие сюда в девяностые, не рекомендовали фирме покупать данную землю. Всё есть в отчете.

Эмми листает содержимое папки, а я перевожу дыхание и продолжаю:

– Наверное, вот почему здесь нет никакого приема сотового сигнала.

Эмми поднимает глаза на меня.

– Из-за пустот в земле? – спрашивает она, удивленно задирая брови.

– Нет. Потому что руда залегает близко к поверхности. Это связано… с магнитными полями.

– Ага, – бормочет она, ухмыляясь. – Магнитные поля. Всё по науке. Конечно.

– Да, – говорю. – Я сбилась, но стараюсь взять себя в руки и смотрю на график. – Да. Так что…

Меня спасает Туне.

– Делайте как можно больше фотографий. У нас три шикарные системные фотокамеры на всех.

Роберт поднимает руку и смотрит на меня. Пусть он друг Эмми (или парень, или сожитель, или партнер, или кем там еще он может быть), но все равно производит приятное впечатление, кажется скромным, немного старомодным со своей вежливостью…

– Да? – спрашиваю я.

– Хорошо бы нам сделать как можно больше фотографий тех мест, где мы хотим снимать, – говорит он осторожно. – Просто чтобы я мог посмотреть, как обстоит дело со светом и так далее. Где и в какое время суток будет лучше всего проводить съемку. Не знаю, есть ли у нас подробный расклад того, в каком порядке будут располагаться отснятые материалы, но такие данные тоже желательно иметь.

– Он прав, – говорю я остальным. – И Туне тоже. Нам надо много фотографий. Как экстерьерного, так и содержательного характера.

– Когда, по-твоему, мы должны начать съемку? – спрашивает Эмми. Руку она, само собой, не поднимает. – И можно ли ознакомиться с предварительным сценарием и календарным планом производства фильма? Их нет в папке.

Перевожу дыхание и смотрю на Туне. И то, и другое существует пока лишь в общих чертах и «живет» в наших компьютерах в виде вордовских файлов – просто набор разрозненных мыслей. У меня нет ни малейшего желания

показывать их Эмми. По Туне не понять истинное положение дел; либо она не замечает моего волнения, либо у нее хорошо получается скрывать свои эмоции от других.

Перевожу взгляд с Туне обратно на Эмми и отвечаю ей:

– Мы… взяли с собой не все материалы. Но, естественно, ты сможешь увидеть всё, что у нас есть.

– Замечательно, – говорит она.

Убираю волосы за ухо, чувствую, что они уже слежались и немного жирные, пусть я вымыла их утром, прежде чем мы отправились в дорогу.

– Будем работать парами, – продолжаю я. – Не хочу, чтобы кто-то из вас входил в эти дома в одиночку. Они простояли заброшенными почти шестьдесят лет, а значит, крайне непрочны. Будьте очень осторожны с лестницами и подвалами, избегайте их при малейшем сомнении в надежности сооружений. Далее, для всех у нас есть с собой примитивное защитное снаряжение. Маски для лица немного топорные, но важно, чтобы они находились на вас, когда вы будете заходить внутрь. Вполне возможно, в кое-каких домах есть асбест, особенно в тех, которые построили в то время, когда шахту наиболее активно эксплуатировали во время войны; и мы не знаем, как обстоит дело с плесенью и прочим. Поэтому используйте маски, даже если они будут причинять неудобство.

Я делаю паузу и задумываюсь, хотя почти не сомневаюсь, что ничего не забыла. Теперь надо как-то закончить, и я говорю:

– И удачи вам, естественно!

Едва закрыв рот, уже начинаю думать, что фраза получилась идиотской.

– Как мы будем связываться между собой? – спрашивает Эмми. – Мой телефон бесполезен. У меня нет сетки с тех пор, как мы съехали с автострады.

– Ой, об этом как раз и забыла… – признаю?сь я. – Радиостанции. У нас есть радиостанции.

– Почему они работают, если телефоны мертвы? – спрашивает Эмми.

Я бросаю взгляд на Туне; та, криво улыбаясь, говорит:

– На самом деле мы не знаем, будут ли они функционировать здесь. Но – во всяком случае, по словам парня, с которым мы консультировались, – должны. Я целиком не поняла его объяснение, но соединение осуществляется на более местном уровне, поэтому сигнал распространяется иначе, чем у мобильников. Типа того.

– Он сказал, что, возможно, будут помехи, но рации должны работать, – добавляю я. – И потом, если все пойдет нормально, они нам даже не понадобятся. Это как с масками для лица. Они нужны лишь на всякий случай.

Эмми кивает.

– О’кей, – говорит она. – Замечательно. Теперь каждый должен выбрать себе команду, не так ли?

– Выбирать особо не из чего, – сухо замечает Туне. – Я и Алис собирались начать со школьного здания. Остальные могут взять на себя завод, а потом вернуться сюда.

Поворачиваюсь к Максу.

– Ты не против, если останешься с машинами и оборудованием? Я думаю, надо оставлять здесь «часового», каждый день. Тоже на всякий случай. Мы можем менять этого человека.

Макс отдает мне честь.

– Твоя воля – закон для меня. Ты же продюсер.

Я благодарно улыбаюсь. Потом смотрю на остальных – и чувствую, как моя улыбка становится все шире; меня охватывает приятное возбуждение.

– О’кей, – говорю. – Разбираем снаряжение – и в путь. Надеюсь, вы готовы для встречи с Сильверщерном.

Сейчас

Шершавые школьные стены, по-видимому, некогда имели белый цвет, но с тех пор минуло уже много лет; побелка посерела и приобрела грязноватый оттенок. Оконные рамы когда-то были покрыты блестящим черным лаком; теперь же они выглядят весьма неприглядно – рассохшиеся, полусгнившие, частично или полностью лишившиеся стекол. Четыре бетонные ступени, ведущие к рухнувшей внутрь наружной двери, все в трещинах и, похоже, еле живы.

Водонепроницаемый рюкзак сам по себе весит совсем не много, но в нем у меня карманный фонарь, моя собственная папка, которая значительно толще, чем у других, и литр воды. Его лямки уже начинают врезаться мне в плечи сквозь куртку.

Маска респиратора теплая, ее ремень немного давит на уши. Она вызывает слегка неприятные ощущения, подобные действию клаустрофобии, но когда мы, преодолев ступеньки, останавливаемся в дверном проеме, я с благодарностью думаю о ней.

Через большие окна внутрь проникает солнечный свет, и в его лучах я вижу, сколько пыли парит в воздухе. Пылинки здесь просто кишат, и даже сквозь фильтр я могу чувствовать всепобеждающий запах плесени и старых бумаг. Мы осторожно входим в маленький, ничем не примечательный вестибюль. Он мог бы принадлежать какому угодно шведскому учреждению – например, вполне сошел бы за приемную стоматолога. Но сейчас на его стенах клочьями висит желто-кремовая краска, а половые доски вспучились от задуваемого сюда зимой снега, который периодически таял и снова замерзал.

Слышу тихий смех и, поворачивая голову, смотрю на Туне. Ее взгляд направлен на большую лестницу, ведущую на второй этаж.

– Над чем ты смеешься? – спрашиваю я.

– Что? – Туне отводит взгляд от лестницы и таращится на меня. – Что ты сказала?

Ее голос немного искажает маска; то же самое она делает и с моим, когда я говорю:

– Над чем ты смеешься?

– Я не смеюсь, – отвечает Туне. – Я вообще не издала ни звука.

– Я что-то слышала.

Ее глаза суживаются, и она улыбается под маской.

– Привидения, – хихикает Туне, а я закатываю глаза.

– Макс болтал то же самое утром… Нам, пожалуй, стоит наплевать на документальный фильм. Сделаем вместо него ужастик.

– Ты уже сейчас выглядишь как персонаж фильма ужасов, – говорит Туне, и я слышу язвительные нотки в ее тоне, пусть маска и сглаживает их. – Майкл Майерс встречается с Дартом Вейдером.

– Пусть это будет планом Б, – отвечаю я, изучая уходящую вверх лестницу. – Если мы не найдем ничего достаточно интересного для документалки.

– У тебя, конечно, нет необходимости беспокоиться об этом, – бормочет Туне.

В тишине заброшенного здания мне снова кажется, что я слышу бабушкин голос.

«Город построили всего за несколько лет. Сильверщерн много столетий существовал в виде деревушки, пока государство не приобрело шахту, но как только оно сделало это, возникла потребность в жилье, и тогда за короткое время воздвигли несколько сотен домов. В них въехали рабочие. И мой отец среди них.

Это был маленький городок, но там имелось все необходимое. Неполная средняя школа, где учились я и моя сестра, церковь, где каждое воскресенье проводилась служба и когда-то поженились мои родители, а также маленький продовольственный магазин и аптека. Два раза в месяц приезжал доктор и занимался царапинами и мелкими болячками, появлявшимися у людей за это время, а в более серьезных случаях человека отправляли в больницу в Сундсвалль. Конечно, не идеальная жизнь, но мы имели все, что нам требовалось…»

Ведущая на второй этаж лестница деревянная, а не каменная. Это не лучший вариант, однако, судя по ее виду, она сохранилась приличнее всего прочего в этом здании. Ступеньки когда-то явно были покрыты толстым темно-красным ковром, но с годами, от солнца, дождя и снега, его цвет сильно поблек, да и сам он сгнил настолько, что от него остались лишь лохматые куски, напоминающие остатки шкуры животного.

– Нам надо начать здесь, внизу, – говорю я Туне.

Перед поездкой я провела много долгих ночей на форумах, посвященных индустриальному туризму и городским исследованиям. Большинство занимающихся этим делом живут в США и Германии, проводя ночи и выходные дни за лазанием по заброшенным предприятиям и зданиям на окраинах городов. Именно там я узнала, какие респираторные маски лучшие, какое вообще снаряжение необходимо и какие правила безопасности важно соблюдать. Что никогда нельзя пользоваться лестницей, не проверив сперва ее на прочность, что всегда надо смотреть, куда ставишь ногу и нет ли вокруг пятен сырости и плесени, способных ослабить несущие балки и стены.

Из вестибюля в стороны расходятся два коридора – один направо, второй налево. Я кивком показываю на правый, и Туне кивает в ответ.

В его начале находится маленькая дверь, ведущая в туалетную комнату с четырьмя небольшими кабинками. У Туне в руке камера, и она быстро делает несколько снимков, но там нет больше ничего заслуживающего внимания: кафельная плитка с грязными швами и старомодные раковины из потрескавшегося фарфора. Двери кабинок висят на петлях. Прикасаюсь к одной из них. Она ржавая, а дерево под ней превращается в труху под моими пальцами.

Быстро иду дальше, к первой классной комнате, скрывающейся за следующей дверью. В ней рядами стоят парты. Стулья за ними все как один маленькие, и от этого картина в целом производит особо тяжкое впечатление. У нескольких парт отвалились ножки, и они лежат на боку, но большинство из них в остальном, похоже, в полном порядке. На дальней стене висит большая грифельная доска; на ней ничего не написано.

Следующие два помещения – это такая же классная комната и крошечная каморка уборщицы. На том коридор и заканчивается. Туне фотографирует его, потом молча поворачивается, и мы бредем назад вдоль ряда разбитых окон.

С другой стороны все выглядит точно так же. В одной классной комнате доска упала со стены и лежит на полу, словно огромное черное пятно. Туне поднимает камеру, но потом опускает ее и замирает на месте.

– Тебе это не кажется немного странным? – спрашивает она, не оборачиваясь, и делает несколько шагов по комнате в направлении ряда окон.

– О чем ты? – Я стою в дверном проеме.

Туне слегка наклоняет голову набок.

– Никаких насекомых на подоконниках. Никаких мертвых мух, муравьев… – Она оглядывается, приподняв брови.

Я пожимаю плечами.

– Зима ведь была, – говорю. – Их там, наверное, хватало, но потом смело снегом.

Туне оборачивается и кивает.

– Ну да. Пожалуй.

Она поднимает камеру и фотографирует окна. Я пытаюсь избавиться от странного ощущения, охватившего меня.

– Попробуем подняться на второй этаж? – спрашиваю.

– Конечно, – отвечает Туне.

Когда мы снова оказываемся у лестницы, она смотрит на нее; губы плотно сжаты.

– Готова? – спрашиваю я.

Она молча кивает.

От рюкзака, давящего на плечи, я уже начала потеть. Расстегивая молнию куртки, чтобы впустить под нее немного воздуха, подхожу к лестнице. Потом смотрю через плечо на Туне, прежде чем останавливаюсь, как бы желая убедиться, что она все еще там. Туне стоит неподвижно и наблюдает за мной. В ее взгляде я не вижу и намека на волнение, и это немного успокаивает меня.

– О’кей, – говорю я, скорее самой себе, чем ей.

Ставлю ногу на самую нижнюю ступеньку и пробую перенести на нее свой вес. Она немного скрипит, но не так, словно готова сломаться. Когда я поднимаю вторую ногу, мне кажется, что доска подо мной вот-вот треснет, однако она не издает ни звука.

– Похоже, крепкая, – говорю я и осторожно делаю еще один шаг.

Мои ноги утопают в остатках ковра, как в глине; волокна отсоединяются от ткани и липнут к моим подошвам.

– По-моему, с ней всё в порядке, – говорю я, оглядываясь через плечо.

Туне кивает.

– Будь осторожна, – предупреждает она. – Держись ближе к стене. Там должно быть безопаснее всего.

– Знаю, – отвечаю я.

Лестница по спирали поднимается на второй этаж, где заканчивается более широкой ступенькой. Мне кажется, я не дышу на всем пути вверх, ожидая после каждого шага, что лестница рассыплется и мы с высоты в несколько метров рухнем на твердый деревянный пол. Но она не дает нам повода усомниться в своей надежности.

Когда мы оказываемся наверху, напряжение немного спадает.

– Иди осторожно, – говорю я. – Держись ближе к стенам. Неизвестно, насколько крепок здесь пол.

Я думала, она огрызнется – мол, «да знаю я», – но Туне лишь кивает.

Пол на втором этаже покрыт слоем пыли и тоже не избежал воздействия снега и воды, но когда-то он явно был красивым. Справа мы видим большую, украшенную резьбой двустворчатую дубовую дверь, которая, как ни странно, не только выглядит неповрежденной, но, кроме того, еще и закрыта. Я кладу руку на ее медную ручку и нажимаю вниз, и она открывается под аккомпанемент скрипа петель.

За ней в ряд стоят восемь маленьких столов, а впереди у настенной доски возвышается кафедра. Там нет никаких стульев, но вдоль всех стен выстроились полки. Большинство из них аккуратно заставлены пробирками, стеклянными колбами и прочим оборудованием для проведения химических опытов. Самая верхняя полка, однако…

Я медленно вхожу в комнату, не спуская взгляда с банок, стоящих там.

Консервационная жидкость в них имеет коричневатый цвет и придает всем предметам, плавающим в ней, соответствующий оттенок. Внутри находятся растения и корни, несколько бесформенных комков, которые могут быть и грибами, и человеческими органами, а в трех, стоящих в самом конце ряда, скорее всего, находятся чьи-то зародыши.

Услышав щелчки за спиной, оглядываюсь. Туне фотографирует полки. Подходит ближе и фокусирует камеру на трех последних банках. Потом опускает ее и всматривается в них.

– Они просто омерзительны, – говорит она в попытке слегка разрядить напряжение. Между бровями у нее появляется небольшая складка. – Зачем они были нужны?

– Полагаю, чтобы учить детей анатомии и всему такому.

Туне медленно кивает.

– Да, – говорит она. – Само собой.

Одна из банок треснула или лопнула от холода, и коричневая жидкость стекла по полкам вниз. Скорее всего, это произошло черт знает когда, поскольку пятно от нее уже давно высохло. И мне не видно находящееся внутри.

Туне таращится на банки так долго, что я в конечном итоге говорю ей:

– Пожалуй, у нас здесь всё.

Мой голос звучит чуть громче, чем нужно. Кажется, он заполняет все помещение.

– Надо вернуться сюда в сумерках, – говорит Туне. – Поснимать. В это время свет будет идеальным. Усилит впечатление.

Неподвластные времени, свернувшиеся клубком бесформенные существа все еще притягивают мой взгляд, и я чувствую, как по спине у меня пробегает холодок. Но это в любом случае хорошая идея. Туне права. Подобное

действительно производит впечатление.

Выйдя в коридор, мы направляемся к такой же двери, ждущей нас слева от лестницы. Она немного покосилась. Верхняя петля отвалилась от стены, в результате чего одна створка висит под углом к другой. Пробивающиеся сквозь образовавшуюся щель солнечные лучи освещают верхнюю ступеньку лестницы.

Я осторожно тяну за висящую на одной петле половину двери. Чувствую, как слабый порыв ветра касается моего лица, потом моргаю, когда глаза начинают слезиться от попавшего в них яркого солнечного света.

Помещение, куда мы попали, большое и пустое, но на стенах масса плакатов. На одном – строчки с буквами для проверки зрения, на остальных – изображения человеческого тела в разрезе и отдельных органов – глаза, сердца… Комната медсестры. Бумага, на которой напечатаны картинки, по краям вся в трещинах и, судя по ее виду, может раскрошиться под пальцами.

У ближней к двери стены стоит старый дубовый письменный стол с хорошо подходящим к нему стулом из того же времени. Угол заполняет симпатичный маленький шкаф, а по другую сторону двери находится тяжелая раковина из белого фарфора с паутиной мелких трещин на эмали и ржавым краном. Вдоль дальней стены вытянулась напоминающая носилки кровать со смятыми и пожелтевшими простынями. Расположенное над ней окно открыто таким образом, словно это сделали намеренно – как будто кто-то распахнул его с целью обеспечить кому-то, лежавшему под ним, доступ свежего воздуха и солнечного света.

Внутри больше ничего нет, и из-за этого комната кажется еще просторнее, чем она есть на самом деле.

– Наверняка именно здесь они и нашли ее, – говорю я, а потом машинально делаю несколько шагов по комнате. Чувствуя, как у меня сильнее заколотилось сердце и потяжелело в груди, оглядываясь через плечо, повторяю: – Наверняка здесь нашли младенца. Твою маму. А?

Туне стоит в дверном проеме. Ее зрачки очень маленькие из-за ярких солнечных лучей, попадающих в них, а на лбу жемчужинами блестят капельки пота.

– Туне? – говорю я неуверенно.

Она поднимает камеру к лицу, но опускает ее снова, потом говорит тихим голосом:

– Ты должна взять ее, Алис. Я не могу…

Она нагибается так быстро и ловко, что у меня от удивления открывается рот, и кладет свою любимую системную фотокамеру на пыльный пол. Потом распрямляется и выходит в коридор.

– Туне! – кричу я ей вдогонку и уже собираюсь последовать за ней, но останавливаюсь.

Она не хочет сейчас никого рядом, хочет, чтобы ее не трогали. Ей надо взять себя в руки и успокоиться. В отличие от меня, Туне не любит, когда ее обнимают и утешают в трудные минуты.

– О’кей, – бормочу я сама себе. – Твое дело.

Поднимаю камеру и смотрю через видоискатель. Туне вкратце познакомила меня, как пользоваться ею, но, честно говоря, я и подумать не могла, что мне пригодятся ее уроки.

Оглядываюсь в сторону двери. Надо ли идти за Туне? Мне следовало понять, что это будет слишком тяжело для нее. Спросить заранее. Но порой она бывает такой закрытой…

– Нет, – говорю я сама себе. – Сделай несколько фотографий и не докучай ей. Именно это ей сейчас нужно. Через несколько минут она успокоится, и мы двинемся дальше, в сторону церкви.

Вхожу в комнату, фотографирую немного наобум, догадываясь, что позже, просматривая мои снимки, Туне сочтет их некачественными. (Ну, если она хотела иметь хорошие фотографии, кто мешал ей сделать их самой?)

Света внутри хватает. Вокруг танцуют частицы пыли, поднимаясь вверх при каждом моем шаге. Нога человека не ступала здесь почти шестьдесят лет. Люди, которых горнодобывающая компания присылала сюда для оценки земли, имели четкое указание взять пробы, составить карту местности, но не входить в здания. С их слов мы знаем, как в девяностые годы все здесь обстояло с мостами, дорогами и скальным грунтом – однако ничего о самом городе.

Трогаю двери шкафа и обнаруживаю, что они заперты. Потом подхожу к окну.

Апрельское солнце уже почти в зените. И сейчас я замечаю, что одно стекло в раме абсолютно целое. Впервые вижу уцелевшее стекло с тех пор, как мы приехали в Сильверщерн.

Я поднимаю камеру и фотографирую раскинувшийся снаружи город. Чувствуется запах приближающейся весны. И еще какой-то… Примерно как запах ржавчины, но другой. Я хочу сфотографировать кровать и направляю на нее объектив, но останавливаюсь и опускаю камеру.

Моя рука застывает над пожелтевшими простынями. По краям они украшены простым, но довольно красивым кружевом.

После недолгого колебания я резким движением стаскиваю их.

Под ними на матрасе ржаво-бурые пятна.

Я таращусь на них несколько секунд.

А потом царящую вокруг тишину внезапно нарушает грохот где-то за моей спиной: будто что-то рушится. И истошный душераздирающий крик.

Тогда

Приближаясь к дверям церкви, Эльза с изумлением замечает, что они открыты. На улице холодно даже для конца ноября, пара градусов ниже нуля, и с утра даже шел небольшой снег. Солнце смогло пробиться сквозь тучи лишь сейчас, во

второй половине дня, и, не спеша двигаясь к дому Агнеты, она видит, как на улицах начинают появляться люди.

Элизабет Нюман совершает обычную послеобеденную прогулку со своей малышкой. Эльза давно не видела ее такой бодрой, как теперь. Какое-то время назад у нее даже появились опасения, что Элизабет никогда не выздоровеет. Молодая мама так долго пролежала в кровати после родов, что Эльзе пришлось переговорить с ее матерью и школьной медсестрой Ингрид о том, что пора уже обращаться за помощью. В конечном итоге они сообща договорились о необходимости выпихивать ее на улицу вместе с девочкой и заставлять прогуливаться, чтобы свежий воздух и солнечный свет сделали свое дело.

Ингрид предложила поговорить с ней по-хорошему и убедить ее, что все будет хорошо, а не действовать как мать Элизабет, которая главным образом кричала на бедняжку и пыталась поднять ее с постели за волосы, поливая потоками брани. Эльза сама уже начала подумывать, что такой подход ни к чему хорошему не приведет, но столь простая истина гораздо лучше дошла до матери Элизабет, когда именно Ингрид в своей белой накрахмаленной шапочке и с красивой красной губной помадой сказала это.

Спустя несколько недель Элизабет начала снова говорить и вставать, а когда Эльза видела ее ранее днем, та выглядела по-настоящему радостной, с розовыми щеками и в красивой зимней шапке. Ее малышка в вязаной шапочке агукала беззубым ртом. Если верить Элизабет, они еще никак не назвали ее, но им следовало бы поспешить с этим. Девочке почти три месяца. Ребенок не может долго оставаться без имени. Эльза сказала ей, что готова сама пообщаться с пастором Эйнаром относительно крещения младенца, раз уж все равно собиралась в церковь.

В любом случае с первым ребенком все не так просто, особенно когда ты сама столь молода, как Элизабет. Ей исполнилось лишь восемнадцать лет и четыре месяца, когда она и Альберт поженились. Чуть больше, чем Айне Эльзы, – и она сама уже мать. Поэтому нет ничего странного, что девица впала в депрессию после рождения ребенка, особенно когда Альберт не смог найти никакой работы. Им следовало бы уехать – их же ничего не связывает с Сильверщерном, – но от такой мысли становится тяжело на душе. Что случится, если вся молодежь покинет город ради лучшей доли?

Это уже началось. Энгельссоны перебрались на север, в Кируну, в поисках новой работы всего несколько недель назад. Они тоже не смогли продать дом – просто бросили его, в таком отчаянии были. И сейчас тот стоит здесь рядом, по соседству, с темными окнами и закрытой дверью, словно дурное предзнаменование.

Эльза поднимается по церковной лестнице быстрым шагом и на ходу поправляет свободной рукой шляпку. Если пьянка Эйнара зашла так далеко, что он забывает закрывать двери храма, на нее уже нельзя закрывать глаза. Он всегда злоупотреблял алкоголем, еще в молодости, а однажды ночью даже бегал голый вниз к озеру, но все равно хоть как-то контролировал себя. Женой и детьми ему так и не удалось обзавестись, поэтому церковь являлась его единственной заботой. Но если он сейчас толком не занимался и ею…

– Эйнар? – кричит Эльза в открытые двери. – Это я, Эльза; я здесь.

Внутри темно, на скамьях лежат длинные тени. Лик возвышающейся над алтарем деревянной статуи Иисуса Христа, взирающего вниз со своего креста, выглядит необычайно суровым. Несмотря на полумрак, Эльза видит, как впереди кто-то шевелится. Она незаметно стряхивает грязь с обуви, прежде чем переступает порог храма.

– Эйнар?

Но человек, которого она видит внутри, выглядит совсем иначе – во всяком случае, что касается походки и фигуры.

Мужчина, идущий к ней по проходу от алтаря, аккуратно одет в свободную рубашку и хорошо выглаженные брюки. Он значительно моложе Эйнара, ему едва ли больше тридцати, и у него короткие белокурые волосы, локонами спадающие на лоб. Лицо мужчины украшает еле заметная улыбка.

– Госпожа Кулльман? – спрашивает он, крепко пожимая Эльзе руку; ладонь у него пухлая, с сухой кожей.

Пока они здороваются, Эльза внимательно изучает его лицо – и тут же убеждается, что никогда раньше не видела этого человека.

– По-моему, мы прежде не встречались, – говорит она ему.

– Ах, я прошу прощения, – отвечает он и качает головой. – Но вы ведь Эльза, не так ли? Эльза Кулльман?

Кивая, она высвобождает свою руку.

– Откуда…

– Эйнар рассказывал о вас много хорошего, – говорит незнакомец и улыбается снова, сейчас немного шире. – И я встречался вчера с вашей дочерью Айной.

– Приятно слышать, – отвечает Эльза немного резким тоном, – но вы еще не представились.

Мужчина немного краснеет; похоже, он смущен.

– Ужасно извиняюсь. Но порой я слишком волнуюсь и забываю о таких вещах. Меня зовут Матиас. Я – ваш новый пастор.

Эльза удивленно морщит лоб.

– Новый пастор?

Мужчина кивает с серьезной миной.

– Я буду помогать Эйнару. Сейчас, когда настали тяжелые времена, и Эйнар… да, когда Эйнар…

Он начинает заикаться и сбивается. Эльза качает головой.

– Я знаю, как все обстоит с Эйнаром, – говорит она, чтобы успокоить его, и он, похоже, немного расслабляется.

– Как давно вы у нас в городе? – спрашивает Эльза.

Матиас вроде как собирается ответить, но потом показывает в сторону дверей.

– Может, вы войдете? – предлагает он. – Я не хочу быть виновным в том, что вы получите воспаление легких, стоя на сквозняке.

Эльза уже действительно начинает замерзать, поэтому следует за ним в церковь. Судя по всему, он мыл алтарь тряпкой, когда она пришла. Что ж, дело хорошее…

– Вы ничего не хотите выпить, госпожа Кулльман? – спрашивает ее Матиас.

Она начинает качать головой, но потом передумывает. В любом случае ей все еще холодно.

– Я как раз собирался приготовить кофе, – говорит он, как бы читая ее мысли, и Эльза улыбается.

– Это было бы очень кстати, – признается она.

Эльза бывала в рабочей комнате Эйнара в часовне множество раз, однако то же самое помещение нынче выглядит совсем иначе. Оно чисто прибрано, все аккуратно разложено по своим местам, и нет ни следа от легкого запаха спиртного, который ранее присутствовал там постоянно.

Молодой пастор заваривает кофе и выдвигает стул для Эльзы. Она садится на хорошо знакомое ей жесткое сиденье и ждет, пока тот прохаживается по комнате, перекладывает какие-то бумаги и поправляет занавески. Ей нравится наблюдать, как он по-хозяйски ведет себя.

– Это ваше первое назначение? – спрашивает Эльза пастора, наливающего кофе в маленькие, видавшие виды чашки Эйнара.

Тот улыбается, ставя одну из них перед ней.

– Вы можете обращаться ко мне на «ты», госпожа Кулльман. Если хотите, естественно, – предлагает он.

– Ты можешь называть меня Эльзой, – говорит она и улыбается. У нее возникают чуть ли не материнские чувства по отношению к нему, молодому священнику с мальчишеской внешностью, пусть он не может быть младше более чем на десять-двенадцать лет ее самой.

– А где сейчас Эйнар? – спрашивает Эльза, поднимая чашку к губам. Кофе вкусный, крепкий и горячий. Лучше того, который обычно готовил Эйнар.

– Он сейчас спит в пасторском доме, – отвечает молодой священник. – Я думаю… хм… думаю, к сожалению, вчера вечером он влил в себя больше, чем обычно.

– Пожалуй, хорошо, что у него появился такой помощник, как ты, – говорит Эльза.

– Постараюсь разгрузить его так сильно, как смогу, – уверяет молодой пастор. У него серые глаза, замечает она с близкого расстояния, но зрачки обведены темными кругами. Пожалуй, именно из-за глаз он выглядит таким очаровательным. Они большие и круглые, как у ребенка; благодаря им он кажется моложе, чем наверняка есть на самом деле.

– Для чего ты искала Эйнара? – спрашивает пастор. – Пожалуй, я смогу помочь тебе вместо него.

«Да, пожалуй, он сможет», – думает Эльза.

Прежде Эйнар помогал ей с некоторыми городскими делами. Призывать к порядку мужчин, обращающихся со своими женами неподобающим образом, оказывать поддержку тем, кто терял близких, и тем, кто нуждался в беседе. Он никогда не был особенно резок, имел доброе сердце и искренне верил в Бога. В последние годы, однако, пьянка стала забирать у него слишком много времени и сил, и ей пришлось взвалить на свои плечи большую часть их некогда общей ноши.

– Одна из самых старых женщин городка, Агнета Линдберг, тяжело больна, – начинает Эльза. – Ее конец близок.

Пастор смотрит внимательно на нее.

– Сколько ей лет?

– Шестьдесят семь, – отвечает она. – У нее рак. В животе. На нее сейчас очень тяжело смотреть. Она всегда была крупной, сильной женщиной с широкими плечами и громовым голосом, но теперь напоминает скелет и не встает с кровати. И она боится, – продолжает Эльза. – Думаю, ей необходимо поговорить с кем-то, кто смог бы прогнать ее страх. Дело не в самой смерти, она боится за… да.

Матиас молча кивает. Его большие светло-серые глаза не отрываясь смотрят на нее, и она чувствует, как ей становится легче на душе.

Она может положиться на него. Он в состоянии помочь ей.

– Она боится грядущего, – заканчивает пастор фразу Эльзы. – И ты хочешь, чтобы кто-то взял бедную женщину за руку и развеял ее опасения. Побеседовал с ней о мире, где она окажется после смерти, о нашем Отце Небесном, который сам встретит ее.

– Именно, – подтверждает Эльза. – Просто чтобы успокоить ее. Погасить волнение.

Матиас еле заметно улыбается.

– Если, по-твоему, такой разговор поможет, – говорит он, – я охотно проведу его вместо Эйнара.

Эльза улыбается ему в ответ.

– Думаю, это поможет, – говорит она.

Сейчас

– Ты можешь держаться за меня, – говорю я Туне. – Не надо наступать на больную ногу, я помогу тебе.

Туне кивает, крепко сжимая зубы. Она больше не в состоянии сохранять непроницаемую мину на лице. Обнимает меня за шею – и я вижу, как напрягаются мышцы у нее на скулах, когда она ставит на землю поврежденную стопу, в то время как мы медленно плетемся по булыжному покрытию площади.

Макс явно заметил нас издалека. Мне становится интересно, как долго он сидел и наблюдал за нами, прежде чем за несколько коротких шагов оказался рядом.

– Что случилось? – спрашивает он меня, но отвечает Туне.

– Я провалилась сквозь лестницу, – говорит она коротко. – В здании школы. Доска оказалась гнилой.

– Нога? – спрашивает Макс.

Я киваю.

– Ты не мог бы найти, на что посадить ее?

Макс бегом устремляется к машинам, прежде чем я успеваю закончить фразу. Он роется в грузовом отсеке нашего автофургона и, достав оттуда сумку-холодильник, приносит ее, а я помогаю Туне расположиться на ней. Ее лоб блестит от пота, несмотря на холодный воздух; на виске синей полоской выделяется артерия.

Я сажусь перед Туне на холодные булыжники.

– Нам надо снять обувь, – говорю ей, а она закрывает глаза и кивает.

– Подожди, – слышу я голос Макса у себя за спиной. Оборачиваюсь. Он достает из кармана серебристый блистер с таблетками, выдавливает две на ладонь и протягивает Туне.

– Что это? – спрашиваю я его.

– Алведон[2 - Торговая марка лекарства, распространенного в Швеции, основным лекарственным веществом в котором является парацетамол.], – говорит Макс.

Туне отрицательно качает головой и возвращает ему лекарство. На ее лице появляется гримаса боли, когда при этом движении ей приходится менять положение ноги.

– Сейчас нам надо снять обувь, – говорит она ему сквозь сжатые зубы. – Таблетки все равно не успеют подействовать.

– Но… – начинает Макс, однако я перебиваю его.

– Ты не мог бы принести аптечку? Она в машине Эмми и Роберта. Посмотри на переднем сиденье.

Макс задумывается на мгновение, но потом кивает.

– Конечно. Сейчас.

Сквозь ткань джинсов на моих коленях начинает проникать влага из мха, захватившего промежутки между булыжниками. Я смотрю на грубый ботинок Туне и поднимаю взгляд на ее лицо. Губы у нее побледнели.

– Надо посмотреть, нет ли у нас чего другого, что ты могла бы принять, – говорю я.

Туне качает головой.

– Я не знаю, какие болеутоляющие помогут, – отвечает она. – Просто сними его.

Начинаю развязывать сильно затянутый узел на ботинке, стараясь не думать о тихих сдавленных звуках, издаваемых ею, когда мои движения причиняют ей боль, как бы осторожно я ни пыталась действовать. Полностью вытащив шнурок, делаю паузу, а потом берусь за обувку двумя руками и смотрю на Туне.

– Готова?

Та кивает. Короткие волоски, выбившиеся из ее «конского хвоста», прилипли ко лбу. Я медленно тяну ботинок, а она молча терпит, так сильно сжимая зубы, что у нее белеют скулы. Только на самом последнем этапе, когда надо вытаскивать носок, не выдерживает и издает долгий протяжный стон, режущий мне слух чуть ли не сильнее, чем крик, услышанный мною, когда Туне провалилась сквозь лестницу.

С того мгновения у меня во рту так и остался привкус адреналина. И страх, охвативший меня тогда, пока полностью не покинул мое тело – он по-прежнему ощущается в суставах в виде боли. Я ставлю ботинок рядом с нами и смотрю на Туне. Глаза у нее прямо-таки блестят. Проводя рукой по своему лицу, понимаю, что щеки у меня влажные.

– Худшее позади, – лгу я, а она в ответ пытается улыбнуться, и каким-то образом это даже хуже, чем если б из глаз у нее полились слезы.

Снимаю чулок с ее ноги; на нем нет крови, и это в любом случае приносит облегчение. Но нога уже начала опухать, и кожа на ней покраснела.

– Я кого-то видела, – говорит Туне.

– Хорошо. Это, конечно, Макс с аптечкой.

– Нет, – произносит она тихо. – В здании школы. Я кого-то видела на первом этаже. Именно поэтому и пошла вниз.

Я поднимаю на нее глаза.

– Что именно?

Взгляд Туне спокойный, но губы по-прежнему бледные.

– Шаги, – отвечает она. – Я слышала, как внизу кто-то ходил.

– Но там никого не было, – говорю я, и Туне поджимает губы.

– Во всяком случае, не могло быть, конечно, – соглашается она.

Вздрагиваю. Вспоминается бледное лицо Эмми ночью. Я не могу удержаться от вопроса:

– Ты уверена… я имею в виду, ты уверена, что видела… на самом деле?

Никто из нас не успевает сказать больше ни слова, поскольку я слышу Макса, бегом приближающегося со стороны второго автофургона. В руке у него белая коробка.

– Вот, – говорит он и ставит ее передо мной. – Завалилась за штатив камеры, поэтому мне пришлось немного потрудиться…

– Спасибо, – отвечаю я и открываю ее. Достаю бинт, начинаю наматывать его на руку и, замечая уголком глаза, что Туне смотрит на кого-то, находящегося у меня за спиной, оборачиваюсь.

Через площадь к нам бегут Эмми и Роберт. Он несет все их вещи, и поэтому Эмми вырывается вперед. Наконец останавливается перед нами, тяжело дыша, вся в поту. Точно как и у Туне, на шее у нее болтается маска, напоминая жутковатое украшение.

– В чем дело? – спрашивает она. Ее взгляд прикован к задранной брючине Туне и распухшей ноге. – Что случилось?

– По их словам, она провалилась сквозь лестницу, – объясняет Макс.

– Это ты вызвала нас? – спрашивает Эмми у Туне.

Та непонимающе смотрит на нее.

– Я никого не вызывала.

– Но кто-то сделал это, – говорит Эмми. – Кто-то стонал по рации. От боли. – И смотрит на Роберта.

Туне засовывает руку в задний карман.

– У меня даже моей рации нет. Она, скорее всего, отлетела куда-то, когда я упала.

Эмми таращится на Роберта.

– Может, это мы и слышали? Наверное, она приземлилась на кнопку передачи при падении.

Роберт пожимает плечами, его карие беличьи глаза наполнены печалью.

– Пожалуй, – соглашается он. – Или она разбилась. В результате, наверное, в эфир пошел какой-то сигнал или что-то такое…

Эмми делает шаг вперед и садится так близко перед ногами Туне, что я теряю равновесие и слегка смещаюсь назад.

– Ты не против, если я прощупаю? – спрашивает она.

Туне пытается ответить, явно превозмогая боль:

– Алис уже…

Эмми, глядя на меня, говорит:

– Я закончила курсы по оказанию первой помощи.

Меня охватывает раздражение, но я понимаю состояние Туне и, поборов свою гордость, говорю:

– Действуй.

Щиколотка Туне уже опухла до предела.

Эмми осторожно трогает ее кончиками пальцев, и они погружаются в красную кожу. Затем бросает взгляд на Туне и бормочет «извини», когда та издает тихий стон.

– Ты принимала какое-нибудь обезболивающее? – спрашивает она.

Туне качает головой, и тогда вмешиваюсь я:

– У нее аллергия на болеутоляющие препараты. Это как-то связано с животом.

– Действительно? – спрашивает Эмми Туне.

Та кивает.

– У меня есть с собой немного виски, – говорит Эмми. – Ты можешь сделать несколько глотков. Допотопный способ снятия боли – но помогает.

Как ни странно, Туне криво улыбается, и Эмми оглядывается через плечо на Роберта, который молча направляется в сторону их автомобиля. Эмми же берет бинт из белой коробки и начинает с силой обматывать им лодыжку Туне.

– Я не могу понять, сломана она или вывихнута, – говорит она. – Но тугая повязка удержит все на своих местах. Пока, по крайней мере. – Закрепляет бинт маленькой булавкой, прилагавшейся к нему, и спрашивает: – Как твои дела?

– Я чувствую себя лучше, – отвечает Туне. Она больше не потеет; по-прежнему бледная, но лицо уже начинает розоветь. – Ничего страшного, выживу.

Эмми улыбается ей.

– Замечательно.

Я наблюдаю за общением этой парочки, и мной овладевает странное, не совсем приятное чувство, в котором к беспокойству примешивается нечто похожее на ревность. Прикусываю себе щеку.

Роберт возвращается с маленькой обшарпанной фляжкой Эмми, которую я уже видела накануне вечером. Туне с благодарностью принимает ее и делает несколько больших глотков. Лично я не уверена, что это хорошая идея, но воздерживаюсь от комментариев.

– О’кей, послушайте, – говорит Эмми и, поднимаясь, отряхивает руками грязь с коленей. – Может, нам взять паузу и успокоиться немного? Перекусим малость и обсудим, как нам действовать дальше.

– Верно, – поддерживает ее Роберт.

У меня такое чувство, что мне самой следовало сказать это; будто она украла мою реплику. Ведь это же я – руководитель проекта, а не она. Но Эмми уже пошла за всем необходимым для обеда, а Роберт последовал за ней. Реагировать поздно.

Я смотрю ей вслед, пока она идет к их фургону. Неприятное ощущение все еще не покидает меня.

Не могу вспомнить, слышала ли я сама какие-то звуки в своей рации. Уж в любом случае никаких стонов…

Но если они не слышали ничего, почему побежали назад? Откуда могли узнать о травме Туне?

Я видела кого-то на первом этаже.

Могла ли идти речь о чем-то помимо игры воображения?

Могли это быть Эмми и Роберт?

Но если так, то по какой причине?

* * *

1 декабря 1958 года

Любимая Маргарета!

Счастливого первого адвента[3 - Адвент – название предрождественского периода, принятое в среде христиан католической церкви и некоторых протестантских деноминаций. Имеется в виду первый день данного периода.]! Или, пожалуй, мне следовало написать «второго»? Ведь сейчас, когда ты читаешь мое письмо, этот день, конечно, уже пришел и ушел…

Он был таким приятным, этот день… Казалось, все шло почти как обычно. Я даже чуть ли не ждала, что папа, встав из-за стола утром, пойдет на работу, но этого он, естественно, не сделал. И все равно выглядел довольным – давно я не видела его таким радостным. Мама напекла на завтрак булочек с шафраном. Ты бы очень гордилась мною: я предложила отнести одну из них вечером Биргитте, причем исключительно сама, пусть мама даже совсем не заикалась об этом! Но она сказала, что Биргитта все равно не станет ее есть. Ведь она питается лишь своей холодной курятиной, лепешками и смородиновым соком. Однако мама улыбнулась и погладила меня по щеке, а также похвалила за хорошую идею и добавила, что обычно мы все равно приносим ей мягкое имбирное печенье и что это, конечно, в духе рождественских традиций. Мы пошли туда вместе. И даже Биргитта казалась более радостной, чем обычно. Мы с мамой пели для нее рождественские песни, и она вроде как пыталась подпевать нам…

Однако, ах!.. Я не могу сдержаться. Мне надо рассказать тебе нашу главную новость! (Пожалуй, мама уже сообщила об этом? Хотя нет, вряд ли, она никогда не пишет ни о чем забавном.)

У нас новый священник!

Сейчас ты наверняка спрашиваешь себя, что здесь такого особо интересного. О пьянстве пастора Эйнара известно всем, и вообще странно, как он смог продержаться у нас так долго. Мама сердится на меня, когда я говорю об этом, но он становился все хуже и хуже в последние годы. Лена рассказывала мне, что ее папа видел, как пастор Эйнар лежал и спал на дороге несколько недель назад, и без брюк! Наверное, нет ничего плохого в том, когда ты говоришь все как есть?

Ну, вот. Самое интересное здесь не то, что у нас новый священник, а то, что никто не знал о его прибытии! Здесь, в городе, обычно известно все, обо всём и всем (на днях Альберт из аптеки спросил меня относительно твоей новой квартиры!), но это было как снег на голову. Мама рассказала мне о нем, поскольку повстречалась с ним на этой неделе, однако я думала, что новый парень, о котором она говорила, кто-то вроде служки, а никак не священник. Все перешептывались, когда мы вошли в церковь. В прошлое воскресенье проповедь читал Эйнар, и его бормотание едва было слышно, но когда мы пришли на службу, посвященную началу адвента, он молча сидел в первом ряду, а за кафедрой стоял пастор Матиас.

Он ужасно стильный… Ах, извини, Маргарета, наверное, нельзя говорить так о священнике? Но это правда! Он выглядит как кинозвезда, с его густыми белокурыми волосами и светлыми глазами. Они серые, как туман, с длинными темными ресницами, как у девочки. Он не особенно высокий – мама, пожалуй, даже чуть выше, чем он, но я ведь тоже не отличаюсь большим ростом, так что для меня это нормально.

Если верить Матиасу, его прислали из Стокгольма помогать в наше трудное время Эйнару с приходом, и он вроде как очень хочет знать все о Сильверщерне. А когда он начал проповедовать, это было так здорово!.. Знаю, что, когда говорил Эйнар, моя внимательность всегда оставляла желать лучшего (да и твоя тоже!); зато сейчас я сидела словно околдованная. У него такой красивый голос… нежный и мягкий, как бархат… и говорил он тихо и спокойно, поэтому всем приходилось соблюдать тишину, чтобы слышать его. И тишина стояла такая, что звук падения булавки, пожалуй, показался бы в ней раскатом грома! Матиас рассказывал о Царствии Небесном, и совсем не так, как обычно делал Эйнар, – не о парящих ангелах и золотых вратах, а о нем как о чувстве. О создании его здесь, на земле. Это было так красиво, что я вся дрожала.

Когда мы направлялись к выходу, Матиас вышел вперед и позвал нас. (Именно тогда я заметила, какие у него ресницы!) Ему и маме понадобилось поговорить о чем-то, о какой-то больной старой женщине, но он уделил внимание и мне тоже, посмотрел в глаза и взял меня за руку. Ах, Маргарета, я вся покраснела с ног до головы! Получилось ужасно неудобно. Но он ничего не сказал по этому поводу; просто улыбнулся и заметил, что Айна – красивое имя. По его словам, оно означает «красота» на иврите, представляешь? Хорошо еще, я сразу в обморок не упала…

Пастор Матиас рассказал о своих планах организовать маленькую библейскую группу для молодежи и попросил меня, если возможно, помочь ему с этим. Естественно, я согласилась! А по пути домой мама похвалила меня за желание поучаствовать в таком деле и сказала, что это пойдет на пользу мне самой. Ах, я прямо вся на нервах, Маргарета! Если ты сможешь приехать к нам на Рождество, то сама увидишь, что я имею в виду. Но будь осторожна – ты, пожалуй, влюбишься по уши, бросишь Нильса, переберешься назад сюда и выйдешь замуж за нового пастора!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Сильверщерн – Серебряное озеро (шв.).

2

Торговая марка лекарства, распространенного в Швеции, основным лекарственным веществом в котором является парацетамол.

3

Адвент – название предрождественского периода, принятое в среде христиан католической церкви и некоторых протестантских деноминаций. Имеется в виду первый день данного периода.

Купить: https://tellnovel.com/sten_kamilla/mertvyy-gorod

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити